

A person in a dark winter coat and hat is walking away from the viewer on a snowy bank. A German Shepherd dog is walking beside them. To the right is a wide, frozen river with patches of snow and ice. The background is a dense forest of evergreen trees under a pale, overcast sky. The overall color palette is cool, dominated by blues, greys, and whites.

Алёна Берндт

МОРОЗНАЯ РЕКА

18+

Алёна Берндт

Морозная река

<https://litres.ru/74550188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лёля, милая домашняя девушка, привыкшая к уютным улицам и знакомым лицам — приезжает в северный таёжный край вслед за любимым, геологом, в котором видела своё будущее. Но тайга встречает её не сказкой, а суровой правдой: неприветливой, холодной, опасной. Любимый оказывается предателем, из-за него Лёля сталкивается с настоящим ужасом...

Однако тайга любит смелых! Пройдя через испытания, Лёля не сломалась: она научилась слышать шёпот леса, читать следы на снегу и доверять себе. Суровый край, который сначала пугал, становится родным. А рядом появляется тот, кто видит и ценит её силу.

Эта история о том, как боль превращается в стойкость, страх — в смелость, а чужое, далёкое место — в родной дом. И о том, что настоящая любовь приходит тогда, когда ты наконец становишься достаточно сильной, чтобы её принять.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	12
Глава 3.	20
Глава 4.	29
Глава 5.	38
Глава 6.	46
Глава 7.	54
Глава 9.	69
Глава 10.	78
Глава 11.	85
Глава 12.	93
Глава 13.	100
Глава 14.	108
Глава 15.	117
Глава 16.	125
Глава 17.	132
Глава 18.	139
Глава 19.	148
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Алёна Берндт

Морозная река

Глава 1.

Лёлька родилась и всю свою юную жизнь прожила в Москве, в семье инженера одного из столичных заводов, а мама Лёльки работала на том же заводе бухгалтером. Что сподвигло простых советских людей назвать единственную свою дочь Леонилой, для Лёльки до сих пор оставалось загадкой. Имя своё она не то, чтобы не любила, скорее просто его стеснялась. Поэтому при любом новом знакомстве настойчиво просила называть её Лёлей.

Когда Лёлька заканчивала школу, то огорошила родителей сообщением, что ни в какой институт она поступать не станет, потому что не желает тратить ещё пять лет на учёбу, а вместо этого поступит в медицинское училище, станет медсестрой, и уедет... куда-нибудь, посмотреть огромную страну!

- Лёлечка, - вытирая глаза кружевным платочком, говорила ей мама Наталья Сергеевна, - Зачем же так... Ведь у тебя медаль, аттестат с пятёрками... и в училище!

- Лёлька! Ты давай-ка, не дури! – хмурил брови отец, Георгий Николаевич, - Про медицину я поддерживаю, хорошая

профессия – людям помогать! Иди на врача, к тому времени, как закончишь учёбу – может повзрослеешь!

Но Лёлька уверенно стояла на своём, успокаивая родителей уверениями, что она и так уже взрослая... почти!

- Я надеюсь хотя бы, что это не из-за того лохматого парня, который на геолога учится! Помнится, он как раз закончит свой институт, когда ты, как предполагаешь, отучишься на медсестру! – укоризненно глядя на дочь, сказала Наталья Сергеевна, - Я подозреваю, что это всё его влияние... как там его зовут?

- Мама! Володя здесь совсем ни при чём! И вовсе он не лохматый, - отвечала Лёлька, но краска, заливающая её симпатичное личико, говорила об обратном.

На самом деле, так оно и было. Ну, почти... Володя был старше Лёльки, он уже учился в институте, и потому относился к девушке немного свысока. Его друг Борис встречался с Лёлькиной подругой Ниночкой Жукович, и потому иногда молодые люди гуляли одной компанией. Лохматым, как сказала мама Лёльки, Володя тоже не был, просто его непослушные кудрявые вихры иногда производили такое впечатление.

- Ну, вы барышни столичные, изнеженные, - шутливо говорил Володя, - А там, где мы бываем, только крепкие люди могут жить! У нас летом практика была, так мы в таких местах бывали, вам и не снится такое!

- Почему же это мы изнеженные, - стараясь не показать

своей обиды, отвечала Лёлька, - Мы, например с Ниной нормы ГТО сдаём лучше всей школы, и не только...

- ГТО! Нет, ты слышал, Борька, они сдают ГТО! Ладно, не обижайтесь девчата, я просто шучу, - увидев, как сердито смотрит на него Борис, переменял тон Володя, - На самом деле у нас и девчонки учатся, только мало, конечно. Не женское это дело, как я считаю.

Сначала Лёлька сгоряча думала, что вот как поступит на геолога, и тоже поедет в такие места... что Володя сам глаза вытаращит! Но потом по мере того, как продолжалось их общение, она почему-то передумала... наверное, потому что иногда Володя так нежно на неё смотрел, брал её за руку и рассказывал разные истории, смешные или немного грустные, когда они шли позади Нины и Бориса, которые на них даже не оглядывались, занятые своими разговорами.

Лёлька сразу поняла, что Володя не понравился её маме, когда пригласила его в воскресенье на чай. Хоть молодой человек и вёл себя вполне достойно, и даже причесался ради такого случая, но всё равно Наталья Сергеевна говорила с гостем чуть прохладно. Георгий Николаевич к гостю был более благосклонен, беседу вёл непринуждённую и к Володе приглядывался внимательнее. Но после его ухода сказал дочери:

- Тёмная лошадка, твой друг. Не понятно, что у него на душе, на сердце и уме, слишком глубоко он это всё прячет. Старается впечатление произвести... а что за человек он на

самом деле, так и не понять. Я – человек простой, деревенский, таких не жалую. Не понятны мне они.

- Да ясно же, что парень из провинции, а тут девчонка под-вернулась... с пропиской, - покачала головой Наталья Сергеевна, - Как у Тамары Нефёдовны зять, вот кто жук, про-лез всё же! Оглянуться не успели... как свадьбу пришлось играть – невеста-то уж в положении оказалась!

- Мама, ну что ты говоришь! – Лёлька была возмущена такими выводами о Володе, - И при чём тут тётя Тамара? Володе не нужна никакая прописка здесь, он уедет работать в Сибирь, открывать новые месторождения...

Лёлькины глаза тогда мечтательно засверкали, и кто знает, возможно именно в тот день пришла в её темноволосую симпатичную головку идея о медицинском училище...

Кто же сможет переубедить влюблённую девушку, если уж что-то накрепко засело в её голове? Наверное, никто. Поэтому Лёлька без труда поступила в медицинское училище, и блестяще его окончила, как раз в тот же год, что и Володя, выпустившийся дипломированным геологом.

И в небольшой сибирский посёлок, который скорее был просто перевалочной базой горных экспедиций и геолого-разведочных отрядов, уходивших отсюда дальше, в неизведанное, в нехоженое, они тоже планировали уехать вместе, попросив туда распределение.

- Ты знаешь, я, наверное, поеду со своими ребятами, а ты потом приезжай, попозже, - сказал перед отъездом Володя

девушке, - Я думаю, что наш с тобой совместный отъезд не понравится твоим родителям... и потому – так будет лучше. А я тебя потом встречу на станции.

Уговорившись о встрече, молодые люди трогательно попрощались на вокзале. И Лёлька, сдерживая слёзы, махала вслед отправляющемуся поезду, в который только что запрыгнул Володя... Наверно, именно в тот момент она поняла, что любит. И что поедет за ним хоть в Сибирь, хоть на Северный полюс, хоть в Антарктиду!

Мама обливалась слезами не одну неделю, собирая дочку в неведомые холодные края. Вещи, которые Наталья Сергеевна купила Лёльке в дорогу, едва помещались в двух огромных шкафах в кладовой. И хотя она сама понимала, что дочь всё это с собой увезти не сможет, наверное, ей просто так было легче отпустить от себя дочку.

- Мама, я же не в голую тундру еду, там есть люди, и магазины, и вообще всё, что нужно для жизни. Как я всё это потащу?

- Ничего, что-то возьмешь, а как там устроишься, напишешь нам, и мы тебе вышлем всё почтой!

Георгий Николаевич понял, что дочку не удержать уговорами и силой, поэтому хоть и беспокоился, но старался обстановку не нагнетать, говоря жене:

- Наташенька, ну что ты, Лёля у нас человек взрослый, разумный. Если что-то будет нужно – нам сообщит, а если ей не понравится там, то она всегда сможет вернуться обратно!

Что ж ты её словно навсегда провожаешь!

Со временем страсти улеглись, и Лёлькин отъезд стал делом решённым, только ещё одно море слёз было пролито Натальей Сергеевной уже на перроне Московского вокзала, когда она видела личико своей дочери в уплывающем от неё окошке железнодорожного вагона. Лёлька и сама не сдержалась от слёз, обнимая родителей, но как только за окном исчезли городские пейзажи и потянулись поля, речушки и деревенские уютные домики, утопающие в зелени садов, в душе девушки появилось новое чувство - предвкушение новой жизни, приключений и встреч.

И её ждёт Володя... И хоть они пока еще не говорили о совместной жизни, но как-то само собой это было понятно, что совсем скоро Лёлька услышит от него заветные слова.

Прибыв на место, усталая Лёлька осталась одна на перроне маленькой станции рядом со своими сумками. Несколько пассажиров, прибывших вместе с Лёлькой, уже разошлись куда-то, а она всё стояла, осматриваясь по сторонам.

В Москве ещё царило лето, а здесь уже чувствовалось прохладное осеннее настроение, хотя деревья ещё стояли в зелёных своих нарядах, а горизонт наливался красноватой закатной зарёй. Прохладный ветерок зябко прошёлся по плечам девушки, и она чуть вздрогнула. Где же Володя, почему не встретил её, и что ей теперь делать? Лёля достала из сумки ветровку и оделась, чтобы согреться. Мимо проскочила какая-то компания, тоже видимо приехавших на этом же

поезде людей. Кто-то покосился на стоявшую в одиночестве девушку с огромными сумками у ног, но спрашивать ничего не стали, видимо глядя на нахмуренные Лёлькины брови.

- Что, дочка, не встретили тебя никто? – раздался позади девушки участливый голос, - Гляжу, все уже разбежались, а ты всё стоишь. Айда хоть на станцию ко мне, в дежурке посидишь пока. Прохладно нонче, озябнешь.

Лёлька обернулась и увидела пожилого мужчину в железнодорожной форме. Он участливо смотрел на дрожавшую от нервов и вечерней прохлады девушку:

- Айда, не бойсь. Фёдор Поликарпыч я, будем знакомы. Вот, это моё, так сказать, хозяйство. А ты куда приехала-то, по какой части будешь специалист?

- Я медсестра, меня Лёля зовут, - ответила Лёлька, усаживаясь поближе к маленькой печурке, - Меня на Ключевую распределили, в больницу местную.

- На Ключевую? Далековато, м-дааа. Ну, да ничего, ты молодая, ноги быстрые, будешь тамошнему доктору Ивану Тимофеевичу помощницей, он давно ждёт. А что ж, не встретил никто? Обычно у нас по телеграмме всех встречают!

- Меня друг должен был встретить... ну, почти жених. Но, вот что-то нет его, может быть что-то случилось? И... что же теперь делать?

- А кто жених-то твой? Я там на Ключевой почти всех знаю.

- Володя Кержанов, он геолог.

- А, ну так мы сейчас позвоним к ним в штаб, всё и узнаем.

Аппарат был старым, почти что раритетным, и Лёлька, открыв рот смотрела, как Фёдор Поликарпович покрутил ручку, поднял трубку.

- Никто не отвечает, хмм... Ладно, не реви! – Фёдор Поликарпович ободряюще хлопнул по плечу растерянную свою гостью, - Сейчас всё устроим!

Он снова покрутил ручку и начал с кем-то оживлённо беседовать. Лёлька смотрела в окно и слушала разговоры вполуха, потому что на душе у неё было муторно и беспокойно – что же случилось с Володиёй... Ведь она дала ему телеграмму, где точно указала дату и время своего прибытия на станцию...

Глава 2.

- Ну вот, всё и устроилось! Давай-кась, чайком тебя пока напою, проголодалась поди. У меня вот пирог тут с капустой есть, бабка моя пекла, на пироги она знаешь какая мастерица! Ешь, ешь, не стесняйся.

Пирог и правда был очень вкусный, Лёлька запивала его горячим крепким чаем из большой эмалированной кружки с ягодками смородины на боку, а сама всё думала о своём.

Через три часа, когда на улице было уже совсем темно, у маленького здания железнодорожной станции мелькнули автомобильные фары, скрипнули тормозные колодки старенькой «буханки». В тепло натопленную дежурку заглянул уса-тый мужчина средних лет.

- Ну, кто тут у нас к Гладкову помощницей?

- Ну дак явно не я, - рассмеялся Фёдор Поликарпович, - Вон, на кушетке спит сотрудник ваш новый.

Была уже глубокая ночь, когда Лёлька прибыла в Ключевую, усталая и разбитая. Путь по грунтовой дороге, хоть и «разбавленный» интересными рассказами Григория, водителя больничного УАЗика, оказался долгим и утомительным. И всю дорогу Лёлька думала про Володю... и про то, где она разместится и проведёт грядущую ночь.

- Ну вот и приехали, - довольно кивнул Григорий, - Сегодня у нас переночуешь, моя жена Анюта тебе приготовила

комнату, и баньку – чуть сполоснуться с дороги. А завтра доктор Гладков тебе сам всё покажет, тебе уже комнату выделили в общежитии, всё готово. Просто поздно сейчас. Надо было тебе самому Гладкову дать телеграмму-то, или на адрес больницы, тогда мы б тебя с самого поезда встретили.

- Спасибо вам большое, - ответила усталая Лёлька, которая, по правде говоря, сейчас рада была заснуть хоть бы даже на скамейке под забором, так она измучилась.

Невысокая заспанная женщина встретила их на крыльце, держа в руках керосиновый фонарь:

- А у нас снова свет отключили, что-то там чинят, - сообщила она, - Здравствуйте! Боже мой! Да ты совсем ребёнок, куда ж ты к нам, да одна, без отца-матери?! Что ж, хоть бы поближе к дому место нашлось! Эх, молодо-зелено! Проходи, проходи скорее. Сейчас покормим, и спать уложим. Не переживай, люди у нас хорошие! Места вот только отдалённые...

Кое-как ополоснувшись в протопленной бане при свете керосинового фонаря, Лёлька вспомнила, что когда-то давно они ездили в деревню, к родителям папы, когда те ещё были живы. Там тоже был свой дом, и баня с печкой, куда воду нужно было носить из колодца во дворе. Может быть, всё же не так сложно ей будет устроиться здесь, хоть и в детстве, но ведь бывала она в деревне...

Заснув, как только голова её коснулась белоснежной пышно взбитой подушки, Лёлька только и успела подумать, что

нужно дать телеграмму домой, что она жива- здорова и добралась до места невредимой.

Утро началось очень рано, хоть хозяева и старались не разбудить свою гостью, но она сама проснулась от того, что хозяйка негромко покрикивает во дворе на скотину, насыпая курам зерно.

С трудом сообразив, где она и как здесь оказалась, Лёлька поспешила к умывальнику. Сейчас, когда в кристально чистые, отмытые хозяйкой окна проникал солнечный свет, оттеняемый резными листьями расположившейся у окна рябины, всё произошедшее казалось не таким уж и страшным.

В конце концов, всё сложилось хорошо, мир не без добрых людей. А чего вообще она ожидала? Что её здесь за ручку станут водить, как в детском садике? Сама вызвалась ехать именно сюда, за Уральский хребет, пытаясь доказать и себе, и окружающим, что способна жить самостоятельно! Собрав волосы в хвост и пригладив непослушные кудряшки, Лёлька вышла на крыльцо.

- Доброе утро! Что же ты так рано поднялась, отоспалась бы с дороги! – Анята поправила косынку, - Мы, наверное, тебя разбудили, шумно у нас по утрам-то.

- Доброе утро! Да нет, не разбудили, я сама проснулась. Анята, давайте я вам чем-то помогу?

- Что ж ты меня на «вы», зови на «ты», мне привычнее, - смутилась женщина, - У нас тут без церемоний, народу немного, зато все свои, так сказать. Ну, пойдём завтракать,

я сама уже проголодалась. Григорий уехал спозаранку, препараты на станции получать, мне тоже скоро на работу. Я в пошивочной работаю, это от больницы недалеко, так что будем рядышком, и ты если что забегай. Дочки наши в городе учатся, скоро вот практику закончат и приедут, познакомишься. Одну тебя не бросим тут, не волнуйся.

- Ты пока только документы возьми, вещи оставь. Вечером Гриша приедет, а мы с тобой пока сбегает комнату посмотрим, приберёмся да помоем там всё, а после уж и перевезём тебя, - Анюта прихватила тряпкой большой зелёный чайник и разлила по чашкам кипятков.

Вскоре Лёлька в сопровождении Анюты шла по посёлку, рассматривая окрестности. Очень хотелось спросить, где же здесь квартируют геологи и прямо вот сейчас побежать искать Володю, чтобы прояснить, почему же он пропал и не встретил её, как договаривались. Но Лёлька сдержалась, и сосредоточилась на том, что рассказывала Анюта – где и что здесь находится.

Посёлок Ключевая раскинулся посреди холмов над небольшой каменистой речкой Суей, которая в этом месте была шумливой и неглубокой, но уже за поворотом превращалась в быстрый поток, впадающий в широкую и тягучую реку Морозную.

Улицы посёлка протягивались меж сопок, от этого Ключевая казалась большим поселением, хотя на самом деле дворов в ней было не так и много. На другом краю посёлка рас-

положился местный лесхоз, склады, штаб геологических экспедиций и прочие промышленные постройки и предприятия, которые Лёлька с первого раза и не запомнила.

- А геологи там и живут? – осторожно спросила она, как бы невзначай, чтобы не вызвать ненужных расспросов.

- Нет, у них тоже своё общежитие – вон там, видишь? Рядом с библиотекой местной. Ну так вот, а там у нас магазин, промтовары в другой стороне, а тут только продукты. Ассортимент наверняка не как в столице, конечно, но жить можно. Привыкнешь со временем. Ну, вот и медпункт, тебе туда, больница дальше, вон то здание побольше. А я на работу – там, видишь, небольшое здание? Это пошивочная мастерская наша, если что – я там. Так, вот тебе ключ от дома, если вдруг раньше меня вернёшься. И не стесняйся там, будь как дома!

Анюта помахала рукой девушке и побежала на работу, а Лёлька покрепче сжала свои документы и направилась к зданию больницы.

В небольшом помещении приёмной больницы царила тишина и железная дисциплина. Пришедшие на приём пациенты, коих было около десятка, ровным рядком сидели на стульях, расставленных вдоль стены. Лёлке даже показалось, будто и сидят они как-то... по росту! Когда из кабинета выходил человек, и из-за закрытой двери слышалось строгое: «Войдите!», следующий по очереди вставал, поправлял одежду и шагал внутрь кабинета.

Никакой суеты, лишней болтовни и прочих глупостей, которые Лёлька видела в столичной поликлинике, где проходила практику.

- Здравствуйте! – сказала ей женщина в очках, чуть гнуся из-за насморка, - Вы на приём? За мной будете.

- Да... спасибо, - немного растерялась Лёлька, - Но я не на приём, мне нужен... Иван Тимофеевич Гладков.

- Тогда спросите там, - махнула рукой женщина в очках и достала носовой платок, потеряв интерес к Лёльке.

Лёлька отправилась в узкий коридор, куда указала женщина, украдкой заглядывая в приоткрытые двери кабинетов и рассматривая таблички. Отыскав нужную, она осторожно стукнула в дверь и дождавшись приглашения ступила внутрь светлого кабинета. За одним из двух столов, стоявших у окна «лицом к лицу», сидела женщина лет сорока со строгим валиком волос на затылке, из которого не выбивался ни один волосок.

- Здравствуйте. Я – Горелова, по распределению к вам... Мне сказали, сообщить о прибытии Гладкову.

- А, как же, мы вас ждём! Иван Тимофеевич сейчас на операции, у нас тут один герой в неприятность попал, швы ему накладывают. Да вы садитесь, давайте знакомиться!

Женщину звали Риммой Сергеевной, она была заместителем заведующего местной больницей, и тут же вкратце рассказала Лёльке что у них здесь и как. Минут через двадцать перед Лёлькой дымилась большая чашка с чаем, рядом сто-

яла вазочка с печеньем, и всё это было «сдобрено» рассказами Риммы Сергеевны про местный уклад.

Вскоре в коридоре раздались торопливые шаги, мужской голос отвечал на вопросы и раздавал указания, Лёлька сразу поняла, что это идёт Гладков. Немного страшновато стало ей, всё же опыта у неё никакого... да и вообще, кто знает, как воспримет такого специалиста опытный доктор.

- А, здравствуйте, Леонила Георгиевна! Уже наслышан о вашем приезде, чему весьма рад! У нас как раз грядёт горячая пора – возвращается бригада с лесозаготовки, за ними геологи на подходе, так что ещё одни руки нам необходимы, как воздух! Прошу не стесняться, задавать любые вопросы, работы много, но на ваше обучение все и всегда найдут минутку. Всё же у нас тут своя специфика.

Гладков Лёльке понравился, она как-то сразу успокоилась, что многого и сразу от неё не ждут, и что опытные коллеги будут за неё присматривать. Отдав свои документы на оформление, Лёлька отправилась вместе с Риммой Сергеевной знакомиться с коллегами и вообще, обстановкой.

День пролетел так быстро, Лёлька удивилась, когда Светлана, медсестра, приехавшая сюда годом раньше самой Лёльки, сказала:

- Ну всё на сегодня, работа окончена. Гладков сказал мне проводить тебя, ему некогда - у него сложный пациент, а потом ещё обход в стационаре. Да, у нас даже стационар есть, небольшой правда, но обещают расширить. А как без этого?

Нам порой из тайги чего только не «приносят», диву даёшься! Букет! Так, на работу тебе с понедельника, Римма Сергеевна сказала. Пока обустроишься в общежитии, немного оглядишься, отдохнёшь с дороги. Знаешь... я рада, что ты приехала! А то тут у нас все уже семейные, мне на танцы сходить не с кем, не успела подруг завести – работа да работа.

Девушки неторопливо шли по улице, Лёльке Света понравилась, обстоятельная и серьёзная на работе, теперь она превратилась в простую смешливую девушку, под стать самой Лёльке.

Глава 3.

- Жених, говоришь? – заинтересованно спросила Света, услышав вопрос Лёльки, как отсюда пройти в штаб геологов, - Геолог, значит, вот почему ты сюда приехала! А как его фамилия, может я его знаю?

- Кержанов Володя, - ответила Лёля, - Ну, не совсем жених, конечно, мы...дружим... он должен был меня встретить, но не смог по какой-то причине, наверное. Вот я и хочу узнать, всё ли с ним в порядке.

- Может быть, с тобой сходить? – тактично спросила Света, не зная, как правильно поступить в этой ситуации, - А штаб – вон он, и их общежитие недалеко. Видишь, где фонари рядком, вот там.

- Нет, что ты, я и сама справлюсь, - ответила Лёлька, - Ты и так после работы устала, чтобы со мной ещё нянчиться! А ты сама в общежитии живёшь? Тогда там увидимся, я ненадолго туда...

- Нет, я снимаю комнату у бабушки Нюры Домрачевой, почти полгода, как съехала из общежития. Там слишком... шумно. А я хочу поступать дальше учиться, мне готовиться нужно. Ты уверена, сама найдёшь тут всё?

- Конечно, мне Аня Векшина ещё утром всё показала, так что точно не потеряюсь. Я у них все вещи оставила, приняли меня, как дорогую гостью, так что не волнуйся за меня.

Прощавшись со своей новой коллегой, Лёлька свернула в проулок между заборами и побежала в указанном Светланой направлении. Небольшой посёлок жил своей обычной вечерней жизнью, кто-то загонял вернувшуюся с пастбищ скотину, кто-то возвращался с работы домой. Люди с интересом поглядывали на Лёльку, безошибочно признав в ней приезжую, и приветствовали её, как это принято в маленьких селениях.

Штаб геологов... слишком громким показалось Лёльке название одноэтажного деревянного здания почти на окраине посёлка. Однако в окнах горел свет, у входа курили двое бородатых мужчин в ветровках, которые удивлённо глянули на незнакомую девушку, но ничего не спросив продолжили свой разговор.

Лёлька вошла в открытую дверь, перед ней простёрся длинный коридор, большинство дверей было уже закрыто, и только в самом конце коридора слышался гул голосов. Туда и направилась Лёлька, щёки её покраснели, стало как-то неловко за себя... Может быть зря она пришла сразу сюда, наверное, здесь начальство заседает... И нужно было сначала сходить в общежитие.

- Здравствуйте, девушка! – навстречу Лёльке вышел высокий мужчина, его плечистая фигура загородила весь дверной проём, - Чем, как говорится, обязаны, чем помочь?

- Здравствуйте, - Лёлька совсем растерялась, - Я ищу... своего друга, не подскажете, где он может быть?

- А вы, простите, кто будете?

Лёлька собралась с духом и рассказала, кто она и зачем сюда прибыла. Всё же она медик, что ей стесняться? Она приехала работать, и что такого в том, что пожелала найти своего земляка...

- Меня зовут Игорь Морозов, я тут всем заведую, - представился мужчина, - Скажите, как фамилия вашего друга?

- Кержанов его фамилия. Он тоже из Москвы, и как я знаю, сюда приехал примерно месяц назад.

- А! Володя Кержанов? Знаю такого, работает. Три дня назад вернулся из первой экспедиции, сейчас должен быть в общежитии, или ещё где-то в посёлке. Кстати, завтра утром у нас летучка, все соберутся в актовом зале, так что, если не найдёте его сегодня – завтра точно сможете застать!

- Спасибо! – Лёлька обрадовалась, что с Володей не случилось ничего плохого, он жив здоров, но всё же одновременно стало как-то неприятно – почему же тогда не встретил...

- До свидания, Игорь, спасибо за помощь, - Лёлька заставила себя не думать о плохом, попрощалась и быстро зашагала прочь от штаба.

Сейчас она уже жалела, что не додумалась сразу пойти в общежитие, всё же как-то неловко было -девушка, а за парнем бегает, разыскивает... к начальству сразу побежала. Ругая себя таким образом Лёлька закуталась поплотнее в свою кофточку, вечера здесь были не в пример Московским, с

сопок, покрытых молодой еловой порослью, веяло какой-то прохладой, а с реки плотными клубами, похожими на вату, поднимался туман. Ветра почти не было, и Лёлька невольно остановилась, глядя, как подножия маленькой лиственничной рощицы заворачивает в свои объятия густой туман. Природа здесь совсем другая, подумалось девушке... прекрасная в своей суровости и вековой старине, она так отличалась от тех мест, где выросла Лёлька. Даже бывая в деревне у бабушки, Лёлька не ощущала такого чувства... как мал человек, по сравнению с этим морем тайги, простирающимся в долине за сопками, и с величием тёмных речных вод, шумевших там далеко за посёлком, на каменных перекатах.

- Лёля! Ты не заплутала часом? Не в ту сторону шагаешь! – раздался голос Ани, отвлёкший Лёльку от своих дум, - Наш дом в другой стороне!

- Да я не заблудилась, - смутилась Лёлька, увидев Аню, возвращающуюся с работы в компании двух женщин-коллег, - Решила до общежития сходить...

- Ты хочешь комнату посмотреть, наверно? – сказала Аня, и Лёлька так обрадовалась подсказке, теперь не нужно называть истинной причины.

- Да, думала, загляну сегодня что там да как, на работу мне с понедельника, завтра бы и занялась переездом...

- Так уже поздно, наверно, комендантша тамошняя, Августа Петровна, чай уж домой убежала. Ну да ладно, давай вместе дойдём, может быть, задержалась.

Аня попрощалась с коллегами, которые исподтишка разглядывали Лёльку, и зашагала вместе с девушкой в сторону двухэтажного деревянного строения, во всех окнах которого горел свет, во дворе, в большой крытой беседке слышались голоса и звуки гитарной струны.

- Не знаю, мне не нравится это всё, конечно, - покачала головой Аня, указав рукой на беседку, - Вот разве при таком отдохнёшь после работы? У этих геологов – понятно, как с похода вернулся, тут тебе и выходной. А вот ты, как здесь будешь? У тебя ведь и ночные дежурства будут, и смены трудные! Ни поспать, ни в тишине побыть! Девчата, кто к нам распределяется. Недолго тут живут – стараются приглядеть себе где-то в доме у хозяйки уголок или комнатку. У нас тут много кто к себе квартирантов пускает, если надумаешь тоже – скажи мне. У Гриши моего тётка тут недалеко живёт, одинокая, с ней поговорю. Муж у неё в молодые свои годы на фронте сгинул, без вести, так она и доживает свой век одна. Вот мы ей помогаем, да всё равно одной-то невесело ей. Была у неё квартирантка, съехала, ещё месяца не прошло, тоже кстати медик, доктор. Мариной звали, мы все удивились, что она перевелась в глушь отсюда, там село – почитай, что десять дворов да старый солевой рудник, база ещё, перевалка, наших вон геологов. Даже сказать не знаю, работает тот рудник или уж закрыли, а всё одно там молодому доктору чего делать? Непонятно, чего её туда понесло! Ну, вот и пришли. Сейчас я на вахте у Веры спрошу про Августу, Вера-то моя

родственница дальняя, по мужу.

Лёлька осталась стоять в небольшом помещении, скорее похожем на сени, хотя Аня величала его вестибюлем. Сама же Аня убежала вглубь коридора, потому что в кабинке у проходной «вертушки» никого не оказалось.

- Девушка, постойте! – Лёлька ухватила за рукав торопливо бегущую мимо девушку в трико, футболке и домашних тапочках, - Не подскажите...

- Говори скорее, профессия?

- Что? – не поняла Лёлька.

- Профессия, кого ищешь! -девушка недовольно нахмурилась от непонятливости.

- А! Геолог! – выпалила торопливо Лёлька.

- Второй этаж, правое крыло! Только они почти все вон там, в беседке! – бросила девушка и побежала дальше.

Лёлька не стала ждать Аню и вышла на улицу. Немного помявшись, она приняла независимый вид и неторопливо направилась к беседке. Шумная компания сперва и не заметила невысокую худенькую девушку, незаметно подошедшую ко входу, пока один из парней, сидевших с краю, не присвистнул удивлённо:

- Ребята! А у нас, оказывается, новенькая! Добро пожаловать, как говорится, к нашему шалашу! Я Миша, а тебя как звать, красавица? Когда к нам прибыла и кем будешь?

Лёлька показалось, будто сотня пар глаз парней и девушек уставилась на неё. Гитара стихла, только шепотки тут и там

слышались в общей толпе.

- Меня Леониллой зовут, я медсестра! – покраснев до корней волос и поблагодарив сумерки за то, что они сделали её смущение не таким заметным, ответила Лёлька.

- Лёля! – раздался знакомый голос из другого конца беседки, - Лёлька, ты когда приехала, почему не сообщила?!

К ней навстречу спешил Володя, передавая гитару сидящему рядом с ним парню, а Михаил, сидевший у входа, разочарованно присвистнул и шутливо огорчился:

- Ну вот! И здесь меня опередили! А я уж думал...

Ребята рассмеялись, стали подначивать Мишу, отпуская добродушные шутки, гитара вновь тихо зазвенела, отвлекая внимание компании от пары.

- Володя! – обрадовалась Лёлька и сердечко её радостно забилось при виде спешащего к ней парня, - Привет!

- Привет! – оглянувшись на ребят, бросил Володя, потом вместо объятий и приветствия подхватил Лёльку под руку и отвёл чуть в сторону, - Ты почему мне не сказала, что приехала? Хоть бы сообщила как-то!

- Я же тебе телеграмму дала, как мы и договаривались. Там и поезд, и дата – всё было, - Лёлька растерялась и удивлённо смотрела на парня, - Ты же знал, что я приеду...

- Телеграмму? – Володя потёр подбородок, - Я ничего не получал. Если честно, я думал, что ты не приедешь...

- Почему это?

- Ну... я думал, что родители тебя не отпустят в такую

глухомань. Все свои связи поднимут, чтобы единственную дочку получше устроить.

- Зачем ты так! – обиженно ответила Лёлька, - Ладно, я пойду, мне нужно ещё комнату посмотреть, которую мне выделили. И на работу скоро выходить! Не буду тебе мешать, развлекайся!

- Володька! Так это значит к тебе такая красавица приехала? – позади них раздался уже знакомый Лёльке голос Игоря Морозова, - Что ж, рад за тебя, поздравляю! Геологу обязательно нужно, чтобы его кто-то ждал!

- Да, ко мне! – Володя тут же переменялся, заулыбался и обнял Лёльку за талию, - Невеста приехала!

Морозов кивнул и скрылся в общежитии, а Лёлька высвободилась из объятий и сердито глянула на парня, не понимая таких в нём перемен. А тот словно бы очнулся и опять превратился в того самого Володю, которого она провожала на перроне столичного вокзала.

- Лёль, ты прости! Я тут, верно, одичал вовсе! Я ждал тебя, очень! Прости, что не встретил. Но я правда не получил твоей телеграммы, потом вот разберусь, где она потерялась и кто виноват!

Из дверей общежития показалась Аня в сопровождении дородной женщины средних лет, и Лёльку позвали смотреть выделенную жилплощадь.

- Давай потом ещё поговорим, хорошо? – шепнул Володя, - Я в двадцать третьей комнате живу.

Тяжело было на сердце Лёльки, что-то угнетало, и она никак не могла «ухватить», что же её беспокоило... Да, Володино поведение было... странным, но он и раньше таким был, непредсказуемым! Она ведь знала это, когда устремилась за ним сюда, чуть не в самое сердце тайги.

Глава 4.

Вскоре зажила Лёлька в общежитии, обустроившись в маленькой комнатке при помощи Ани Векшиной и коменданта общежития Августы Петровны, женщины строгой и даже немного деспотичной, но на её должности без строгого характера и «ежовых рукавиц» было не обойтись.

- Медики у нас долго не задерживаются, - сказала Августа Петровна, выдавая Лёльке матрац поновее.

- На квартиры уходят? – спросила Лёлька, - Я слышала, что многие снимают в частных домах.

- Да я не про это, - покачала головой комендант, - Поработают, сколько надо после распределения, да и бежать поближе к цивилизации. А кто и этого не высиживает – замуж да рожают, ну вот входит руководство в семейное положение, письма пишет, перевод ищет. Благо, медики везде нужны! Вот и ты, думаю, не удержишься... Но раз уж Аня за тебя просит, дам тебе отдельную комнату, маленькую, но отдельную. У нас ведь по трое-четверо живут, есть и по двое, но Аня к тебе прикипела, дочку ей что ли напоминаешь, - баском хохотнула Августа, - Потому уважу её, присмотрю за тобой! Вижу, что ты и сама не балованная, а то ведь к нам всякие бывает приезжают!

Первые дни Лёльке было туго. Хотя и была у неё отдельная комната в правом крыле второго этажа, но вот кухня и

прочие удобства были общими на крыло, о такой роскоши, как душ, можно было только мечтать. К услугам обитателей общежития была общественная баня, в которой банные дни были со вторника до воскресенья, а после – выходной и санитарный день. Называлось это заведение Банно-прачечный комбинат, там можно было даже постирать свои вещи, но девчонки в общежитие справлялись в основном сами – тут и там стояли подписанные лаком для ногтей тазики, которые сначала так рассмешили Лёльку. Но вскоре она и сама отправилась в Хозмаг покупать таз... и лак для ногтей.

Вообще, как сначала показалось непривычной к такой жизни Лёльке, жизнь в общежитии, по крайней мере в женском крыле, была похожа на самый страшный хаос. Кто угодно из девчат мог в любой момент без стука влететь в комнату и спросить что-то по своей надобности, и потому Лёлька первым делом приучила себя закрывать дверь на ключ, потому что постоянно до одури пугалась таких визитов. После она с удивлением узнала, что и часы готовки в небольшой кухне тоже были расписаны – у каждой комнаты было своё время, график составляли в зависимости от времени смен.

Лёлька узнала, что в общежитии есть и девочки-геологи, и повара, и сопровождающие партий, и даже кинолог. Приезжали – уезжали, постоянно что-то происходило в маленьком девичьем «государстве», и Лёлька поняла, про что говорила ей Света – готовиться к поступлению в ВУЗ, или даже просто спокойно отдохнуть здесь можно было с трудом. Но Лёльке

повезло – сон её всегда был крепким, а теперь на работе она с непривычки так уставала, что засыпала, как только голова её касалась подушки.

Но она не жаловалась, и даже сидя в маленькой переговорной кабинке на почте, когда заказала переговоры с родителями, Лёлька старалась говорить весёлым тоном, ничем не выдавая огорчения от некоторой неустроенности и непривычности «общежитского» быта.

С Володей же у них состоялся обстоятельный разговор, который всё и разъяснил, по крайней мере для Лёльки. Правда, тайна пропавшей телеграммы так и не была раскрыта, но они оба решили, что это какая-то ошибка почтальона.

- Лёль, я ведь правда думал, что ты не приедешь, - говорил Володя, когда встретил девушку после работы и они вместе шли в общежитие, - Уже вроде бы и смирился с этим, не ожидал, что ты у меня такая храбрая окажешься! А когда тебя увидел у беседки, глазам не поверил, думал – обознался! Слушай, тут в клубе в пятницу кино привезут, давай сходим?

Началась Лёлькина самостоятельная, «взрослая» жизнь. Ночные смены в больнице ей пока не ставили, то ли жалели, то ли пока немного опасались её неопытности, но доктор Гладков, наблюдая за новенькой, частенько одобрительно покачивал головой и скупое хвалил Лёльку за сообразительность и расторопность.

Вроде бы все Лёлькины страхи, наполнявшие её душу, когда отправлялась она в эту далёкую Ключевую, улетучились,

отступили вместе с туманом за сопки. Больше всего она боялась сделать что-то неправильно на работе, ведь реального «полевого» опыта у неё было маловато. Ключевская больница – это не рядовая столичная поликлиника, где Лёлька училась ставить уколы охающим бабушкам... Здесь случались и такие происшествия, о которых она только на лекциях слышала, да в учебниках читала. Но она внимательно наблюдала за доктором Гладковым, за Светой и фельдшером Екатериной Фёдоровной, старшей медсестрой Ритой, не стеснялась задавать вопросы, и потому Иван Тимофеевич Гладков стал назначать новенькую на довольно сложные операции, которые проводил сам, подробно всё показывал и рассказывал Лёльке.

Вскоре Володя объявил ей, что Морозов наконец-таки решил отправить его, Володю, на серьёзный маршрут. Экспедиция готовилась на государственном уровне, члены её подбирались с особым пристрастием, и Володя был чрезвычайно рад туда попасть.

- На вертолёте полетим до первой точки, там нас на вездеходах встретят, до гряды, а там уже и пешком доберёмся! – с восторгом рассказывал Володя, - Три месяца по расчётам, если раньше сможем провести разведку, то премию получим. И, может быть, награды какие, дело-то серьёзное, - тут он понизил голос, - Говорят, на золото идём, хотя прямо конечно не сообщают.

- Три месяца! – вздохнула горько Лёлька, - Так ведь под

зиму... я думала, зимой не уходят так далеко, где-то рядом с посёлками работают геологи.

- Ты у меня наивная, как школьница, - шутливо укорял её Володя, - До некоторых мест нашей Родины только зимой и можно добраться, нарочно ждут, когда зимник установится. Не грусти, вот вернусь, станем решать с жильём... Вон Оксанка Никишина с Колей Самойловым съехались, в одной комнате стали жить. Заявление написали, что оба желают, и уже заявление подали в местный сельсовет. Им и разрешили, а что? Люди мы современные, что в этом такого!

- До свадьбы?! – смутилась Лёлька, - Ты что, а я-то думаю, про кого это девчата на кухне постоянно шепчутся, какую-то Оксану... неприятными словами называют. Не моё конечно дело, пусть современные люди живут, как пожелают... но меня папа бы прибил за такое!

- Это всё пережитки прошлого! Я считаю, ничего страшного в этом нет. Да и просто это для них обоих удобнее, тем более что Оксана в положении... только ты не говори никому! Раз девчонки треплются по кухням, ни к чему огласка. Колька парень хороший, да и вообще у них любовь! Разве это от штампа в паспорте зависит? Вот сейчас он ушёл на месяц в тайгу, за старые стойбища местных, а когда вернётся, то и устроят комсомольскую свадьбу! Что же теперь, если работа у него такая!

- Всё равно, вроде бы как-то не по-людски. Я не осуждаю Оксану, её дело, как жить. Но мне бы не хотелось, чтобы ме-

ня всей кухней обсуждали, пока макароны варятся!

Володя расхохотался и поцеловал Лёльку в раскрасневшуюся щёку. Осень заканчивалась, а в этих суровых краях она была больше похожа на начало зимы в Москве. Снег уже припорошил всю округу, только жёлтые стебли растения, похожего на ковыль, помахивали на ветру пушистыми перистыми шапочками. Землю сковало морозом, что Лёльку радовало – грязи почти не стало, и ходить было удобнее, что для неё стало немаловажным – именно её чаще всего отправляли сопровождать фельдшера на вызове. Но такая работа ей очень нравилась, да и вообще всё сложилось хорошо! Только вот скорый Володин отъезд так её огорчал.

«А что же ты думала, - говорила Лёлька самой себе, откладывая в сторону книгу, которую читала перед сном, - Ведь знала, что он не бухгалтер и не учитель, а геолог! Не станет же он тут около меня сидеть! А мне нужно научиться это правильно принимать, и помогать ему собраться, настроиться на такое долгое путешествие».

Только теперь не показалась вдруг Лёльке жизнь геологов весёлой, романтической и полной необычайных приключений. Глядя на тёмное море тайги, волнующееся под порывистым осенним ветром, Лёлька думала, что оказаться там, в холодной тёмной мгле... пусть даже в компании опытных и подготовленных людей – это скорее испытание, чем приключение.

Зима пришла внезапно, просто засыпав за ночь весь посёлок, и сопки, и лес толстым слоем пушистого снега. Толь-

ко река лежала тёмной изогнутой саблей меж белых берегов, словно в нарядном футляре, отправляя свои воды далеко на север.

- Лёлечка, мы с папой хотим к тебе приехать, хоть на недельку, - кричала мама в шуршащую посторонними звуками телефонную трубку, - Папе через месяц обещали отпуск. Ты разужнай, где мы сможем остановиться, наверное же есть там у вас гостиница.

- Мамуль, я всё узнаю, - кричала в ответ Лёлька, - Только вы потеплее одевайтесь, и заранее мне дайте телеграмму, какого числа прибудете, чтобы я вас смогла встретить. Кстати, свои тёплые вещи я получила, большое спасибо! И за гостинцы тоже, мои любимые конфеты!

Лёлька этой новости очень обрадовалась! Мама с папой приедут к ней, сюда! Посмотрят, как их дочь тут со всем справилась сама (ну, почти), обустроилась, живёт, работает! И даже с девушками подружилась, Света и Ксюша, Лёлькины коллеги, звали новенькую в театральный кружок при местном клубе, а там оказалось такое приятное общество – люди молодые и увлечённые, обсуждения новых постановок и всякой самодеятельности. Пригодился и Лёлькин «талант», открытый ещё в школе, к созданию стенгазет, чему местный начальник клуба, Василий Поликарпов, несказанно был рад. Так что родители не будут разочарованы дочерью, и перестанут волноваться, что Лёлька одна в какой-то глуши. Жаль только, что Володя будет в экспедиции, а то бы, так сказать,

вся семья была бы в сборе...

- Ну что пригорюнилась? Устала? Или опять по своему геологу тоскуешь? – в маленький кабинет заглянула Света и увидела там сидящую в одиночестве Лёльку, - Я думала, ты домой ушла обедать!

- Да нет, не пошла, - ответила Лёлька, - Решила здесь перекусить, холодно сегодня. Да и времени мало, Екатерина Фёдоровна сказала, что после обеда мы с ней в стационар пойдём, скоро у меня там будут самостоятельные ночные смены, объяснит мне, что да как.

- А что, от Володи нет весточек? – Света присела рядом и налила себе воды в стакан, она понимала грусть подруги и знала, что с работой она не связана.

- А какие могут быть весточки? – удивилась Лёлька, - Из леса, где почты нет! – она рассмеялась Светиной шутке.

- Почему это нет, - пожала плечами Света, которая вовсе и не шутила, - К ним в основной лагерь раз в месяц вертолёт прилетает, привозит почту и продукты, доктор из Советска к ним летает, осмотры проводит – мало ли что. У моей бывшей соседки по комнате Лены муж в этой же партии – Серёжа Рубцов, так он жене всегда отправляет письмо! Ну, ты не бери в голову, мало ли, может быть Сергей в лагере, а молодых почаще «в поле» отправляют, потому у Володи и нет времени написать! Слушай, плесни мне чаю, что-то я озябла!

Потом долго не выходили из Лёлькиной головы Светланы слова... В самом деле, почему бы и не написать хоть ко-

ротенькую записочку, ведь другие находят время. Но убедив себя, что такой уж он, Володя, человек... Профессию свою любит и ею увлечён, а то, что не пишет – так мало ли тому может быть причин! Не в этих записках счастье, подумала Лёлька и сама с головой окунулась в работу.

Глава 5.

Огорчилась Лёлька, когда узнала, что мама и папа приехать не смогут. Когда билеты уже были взяты, и дата приезда определена, мама вызвала Лёльку на переговорный пункт и сообщила, что отец сильно простудился и слёг в больницу с пневмонией, так что о путешествиях можно было забыть.

- Лёлечка, доченька, ты прости, но я сама не смогу приехать, как его здесь одного оставляю, - плакала в трубку мама, - Сейчас вот уколы ему доставала хорошие, врач посоветовала, через тётю Люсю, соседку нашу. Да и кормят как в больнице, сама знаешь, я вот понемногу ношу свеженького, что доктор разрешает.

- Мамочка, что же ты плачешь! – Лёлькино сердце разрывалась, так она скучала по родителям и была огорчена, но стойко молчала об этом, - Здоровье ведь дороже, будь с папой и передай ему, что я его очень люблю, пусть поскорее поправляется! У меня ведь всё хорошо, я жива-здорова, работаю! Приедете в другой раз! Тем более у нас уже морозы начались, настоящие таёжные, не как в Москве!

Хоть и скучала Лёлька, но понимала, что приехать мама не сможет, да может это и хорошо... Не видела Лёлька, чтобы к кому-то из девчат родители приезжали проверить, а чем она сама хуже, ещё и полугодом не прошло, как она в Ключевой, а уже мама-папа заявятся... как-то вроде бы и неловко!

Тут все сами ждали отпуска, чтобы домой поехать, загодя подарками запасались для родных, чтобы удивить – то ручка для письма из кедра, то рога лосиные, то кошель с кистями, на манер как раньше местные охотники носили. Вот и Лёлька будет ждать своего отпуска, чтобы отправиться домой, к родителям, и нечего им по поездкам без острой надобности мотаться.

Новый год был, что называется, на носу, и во всех уголках Ключевской больницы, где коллегам удавалось выкроить свободную минутку для разговоров, только и было что обсуждений новогодних нарядов на вечер в клубе, о страшной очереди на укладку в единственную в посёлке парикмахерскую и прочих предпраздничных хлопотах.

- Настя сказала, что послезавтра в магазин привезут апельсины, будут выдавать по два кило в одни руки, - поведала коллегам Ксюша, - Кто завтра не в смену, нужно нам как-то бы попасть в очередь, и чтобы на всех купить! Это же какое украшение на новогодний стол! А вкуснота!

Решив, что Света с самого утра займёт очередь, и, если народу будет слишком много, потом её сменит Лёлька, которая как раз сменится с ночной. А уж о том, чтобы получить килограммы «на троих», поручили договориться Ксюше, которая встречалась с братом продавца Насти. Ну, вот такая она, в далёком посёлке жизнь...

Лёлька стояла за апельсинами. Утро было морозным и солнечным, бессонная ночь почти никак не сказалась на мо-

лодом организме, и одуряющий апельсиновый запах, разнесшийся по небольшому помещению сельского магазина, будоражил то самое сокровенное предчувствие скорого наступления Нового Года.

Очередь оживлённо болтала о том, о сём, румяная продавец отвешивала яркий, благоухающий солнцем товар и улыбалась в ответ на поздравления с наступающим. Да и очередь была вовсе не большая, подумала Лёлька, осматривая помещение, в Москве она видала и побольше, когда в универмаг привозили что-то страшно дефицитное и импортное.

- Вот, мне нужно на троих, - смущённо покраснев, сказала она Насте и протянула деньги, - Девочки не могут так просто от больных убежать, даже за апельсинами.

- Дам два кило, правила такие, - развела руками Настя, строго глянув на Лёльку, и немного испуганно посмотрела на очередь, страшась возмущения людей, - Простите, но... не положено.

- Настасья, да дай ты девчонкам апельсинов! – громко и весело заявила стоявшая через два человека высокая крепкая женщина лет сорока, - Они там чужие ягодицы лекарствами колют, куда им по очередям стоять! Пусть апельсинок поедят!

Люди позади Лёльки рассмеялись и одобрительно зашумели, кто-то кричал, что на больницу вообще надо отдельно ящики выделять, Лёлька растерялась, а опытная Настя быстро сунула ей в обе руки три сетки с фруктами, рассчитала

девушку и довольно улыбаясь, сказала:

- Ну, идите, доктор, ягодицы колоть! Тут три сетки по два кило, сами там разберётесь.

Морозное утро, приправленное апельсиновым ароматом, показалось Лёльке ещё ярче и веселее. Девушка натянула варежки и отправилась обратно на работу – выдавать Свете и Ксюше покупку. Она напевала себе под нос модную мелодию и думала, что завтра вечером у неё будет примерка – Аня согласилась сшить для Лёльки платье к новогоднему вечеру. Хотя пошивочная и была загружена в преддверии праздника до отказа, но дома у Ани стояла шикарная ГДР-овская швейная машинка.

- Если не сложный покрой брать, то успеем, не волнуйся, - говорила Аня, и во все стороны вертела Лёльку, обмеряя её сантиметром, - На такую стройную фигурку любой фасон подойдёт! Вот, у меня есть журналы, дочки привезли, давай посмотрим, что тебе понравится!

Лёльке понравилось скромное по щиколотку платье, при-
таленное и не броское. Отрез ткани, который ей предусмотрительно прислала мама, оказался в самый раз для такой модели. И теперь, шагая по чуть поскрипывающему под ногами снежку, Лёлька мечтала, как же она будет смотреться в такой красоте...

Выдав девчонкам сетки с яркими «солнышками», Лёлька отправилась наконец домой, и вот тут ночь, проведённая без сна, уже давала себя знать. Хотелось поскорее умыться,

свернуться калачиком на сетчатой общежитской кровати, закрыть шторку и спать до самого вечера... Вот уже показалось знакомое здание, душа возликовала от предвкушения отдыха.

- Володя? – Лёлька чуть не выронила из рук свою сетку с апельсинами, когда увидела, что прямо перед ней вышагивает ко входу в общежитие ни кто иной, как её Володя.

- Володя?.. Ты как здесь очутился? – Лёлька внимательно всматривалась в хмурое, осунувшееся лицо парня, - Ты же...

- Лёль, давай не на улице, - негромко ответил Володя и поддёрнул на плече свой рюкзак, - Я сейчас разгрузюсь, умоюсь и зайду к тебе. У тебя перекусить что есть?

- Есть конечно, приходи, - Лёлькино сердечко похолодело от страха за любимого, она понимала, что-то случилось...

О бессонной ночи и отдыхе она мгновенно позабыла. Достала из общего холодильника в кухне свою маленькую кастрюльку с супом и поставила её на плиту. Благо, время было ещё не обеденное, народу в кухне почти не было. Когда Володя пришёл в комнату Лёльки, на столе уже стояли тарелки, хлеб был аккуратно порезан треугольниками, как всегда делала Лёлькина мама. Небольшой чайник был заботливо укутан грелкой, а на окне в сетке весёлыми оранжевыми пятнышками лежали апельсины.

- Ого, шикарно тут живёте, доктора! – усмехнулся Володя, - Родители прислали?

- Садись, пока суп не остыл. Апельсины я в местном ма-

газине утром купила, - Лёлька придвинула баночку со сметаной поближе к Володе, - Расскажи, что произошло....

- Сперва давай поедим, ты, наверное, тоже голодная, - Володя стыдливо отвёл глаза, - Я не подумал, ты ведь с ночной, а тут я объявился. Тебе отдыхать нужно....

- Всё равно теперь не усну, - ответила Лёлька и взялась за ложку.

Когда по кружкам был разлит горячий чай, Володя начал свой рассказ.

- Сняли меня с экспедиции, - сказал он и сердито сжал кулаки, - Это Морозов постарался! Вот же сволочь, я и не знал, что он такой... Нужно разузнать, кому можно на него пожаловаться, чтобы его в чувство привели! А то совсем зарвался!

- А за что сняли? - робко спросила Лёлька, сжимая в похолодевших руках горячую кружку, - Разве так можно, захотел - поставил, захотел - снял!

- Да вот именно, снял ни за что! - вспыхнул Володя, - Всё было хорошо, мы с парнями провели первую разведку, результаты отличные зафиксировали! А потом, когда вернулись на базу, он вдруг меня к себе вызвал и говорит: «Собери вещи, Кержанов, завтра утром будет вертолёт. С ним вернёшься в Таёжный, а оттуда домой». Я стал спрашивать - что, почему, что я сделал? А он молчит, брови хмурит, и лицо своё отворачивает! Отвечает: «После поговорим, я тоже вернусь через три недели, нужно будет документы оформ-

лять. А пока с Михаилом Пантелеевым поработаешь, я ему сообщу». А что Пантелеев? Он со своей командой тут по болотам на брюхе ползает, наверное, торф ищут! Разве это дело?

- Всё дело, торф тоже нужен стране, раз его добывают, - тихо ответила Лёлька, ей хотелось как-то утешить друга, но она понимала – просто так, ни с того, ни с сего, такие вещи не случаются, - Ты не расстраивайся, вот приедет Морозов и всё разъяснится.

- Да он самодур! Это всё его козни! Я нормально работал, не хуже других! – Володя стукнул ладонью по столу и чайные ложки жалобно звякнули, - За что-то меня невзлюбил! Конечно, я же не брат его лучшего друга, как Серёжка Терехов, его то он продвигает! Не удивлюсь, что скоро его замом своим сделает! А я кто такой? Простой парень, у меня «мохнатой лапы» нет.

- Мне кажется, ты зря так говоришь, - сказала Лёлька, - Я уверена, что всё разъяснится, как только Морозов вернётся и вы поговорите!

- Ой, твоя наивность меня иногда поражает! – вскипел Володя, - Ты как будто не понимаешь, в каком мире ты живёшь! Привыкла, что у мамы-папы под боком тепло и уютно, так вот – полюбуйся на реальную жизнь!

- Успокойся, - ответила Лёлька, - Какой сейчас смысл нервничать и угадывать причину? Тебя отправили на другую работу, ближе к дому, и я рада, что Новый год мы с тобой

сможем встретить вместе! Есть во всём этом и хорошее, ведь правда? А уж потом посмотрим – что к чему в этой истории.

Володя молча чистил апельсин, от чего комнату наполнил восхитительный аромат праздника. Разделив фрукт на дольки, он придвинул блюдечко к Лёльке и задумчиво посмотрел на неё:

- Да... ты права, но я просто так не сдамся, и всё выясню!
А пока – будем Новый год встречать, вместе!

Глава 6.

- Слушай, ну даже не знаю, - с сомнением говорила подружке Света, когда Лёлька поделилась с нею секретом о возвращении Володи, - Морозов не такой человек, его тут все знают, чтобы просто так работника снять с экспедиции. Может быть, Володя твой что-то натворил, но тебе не признался? В прошлый раз Генка Конев напился, и Морозов его выгнал...

- Он не такой, что ты! – ответила Лёлька, - Володя не пьёт.... Ну, в праздник, конечно, может, но совсем немного! Когда мы учились, он никогда не ходил с ребятами, даже пиво не пил... Нет, не может он ничего такого натворить, это какое-то недоразумение.

- Лёль, ты не расстраивайся, всё выяснится, - с сочувствием сказала Света, - Морозова тоже нужно понять – в тайге нельзя допустить... ничего плохого! Лучше пусть выяснится, что всё было ошибкой, чем потом... жалеть о последствиях. Вот приедет, они с Володей спокойно поговорят, всё выяснят, и снова уедет твой геолог в поход! А вот знаешь, мне Рита наша что рассказывала, случай такой был. Двое ушли в поход в составе, а там подрались, оказалось – они в одну девушку оба были влюблены. В тайге всё не так, как в городе или даже в посёлке, человек там другой становится, звереет что ли... Так вот они там чуть друг друга не убили, пришлось даже связать обоих. Старались образумить, да они всё равно

волком друг на друга смотрят, ну и сняли их с похода, отправили домой. А осень была, на вездеходе добирались, так они сперва друг друга подтыкали, а как болотами еле прошли, что чуть вездеход не потонул... так до посёлка уже чуть не лучшими друзьями вернулись! Так что всякое у нас бывает, это еще если фельдшера нашего послушать, о, там вообще истории! Екатерина Фёдоровна местная, она это посёлок помнит, когда еще не было тут ни базы, ни школы с больницей. Дворов десять выселок был, дети учиться в Тереховку ходили, а это километров десять отсюда. Когда Екатерина ещё девочкой была, на подводе по очереди их в школу возили, когда можно, а когда и пешком отправляли. Родители её здесь жили, и бабушка, такие истории и про ссыльных, и про революционеров, и про каторжников рассказывала, заслушаешься. Такие места, Лёлька, вот что я тебе скажу! Тайга!

- Понятно, что тайга, - немного ворчливо ответила подружке Лёлька, её больше беспокоила судьба Володи, чем байки о «староглиняных» временах, - Всё равно я не верю, что Володя мог что-то натворить!

- Ну, придёт время – всё узнаешь! Пойдём работать, подружка.

Света сполоснула чашку, они с Лёлей выхватили четверть часа на перекус, поправила свой отглаженный белый халат, подчёркивающий стройную фигурку, и заспешила по делам. Лёлька же загружала шприцы в бикс на стерилизацию и никак не могла перестать думать про Володю... Нахмутив бро-

ви, она всё же была склонна думать, что её любимый ни в чём не виноват, это Морозов не разглядел, не увидел всего Володиного потенциала, и по какой-то глупой случайности мог что-то напутать!

После всех этих раздумий и сделанных выводов, Лёлька немного воспряла духом. Работа не позволяла надолго погружаться в свои мысли, поэтому вскоре она и думать забыла и про тайгу, и про Морозова, и про ссыльных-каторжников и прочих.

- Ох, внученька, вот дожила я на старости лет! – вздыхала пожилая бабулечка, поступившая с переломом ноги, - Представляешь, на собственном дворе упала! Это всё шавка эта, Ерохиных которая! Сын им, вишь ли, с заграницы откуда-то привёз собаку! Только это не собака – а смех! У меня Барсик раза в три больше той собаки. Но вот злющая, громкая и вертлявая, бестия! В забор пролезает ко мне во двор, кур всех перепугала, нестись плохо стали! Уж я грозила Клавдии Ерохиной, что пришибу поленом их Веснушечку – это они эту занозу назвали так, Веснушечкой, а Клавка в ответ только орёт. Сама шибче своей мелкой заразы гавкает!

- Бабушка, полежите, сейчас сделаем вам гипсовую повязку, - говорила ласково Лёлька, бабушку ей было жаль, она видела, как морщится от боли разговорчивая пациентка.

А бабуля, по всей видимости, и говорила без умолку для того, чтобы как-то отвлечься от боли, и Лёля постаралась ей в этом помочь.

- Так что же эта вредная собачка натворила? – спросила участливо Лёлька.

- Да как выскочит откуда ни возьмись, прямо мне под ноги! А я с крыльца спускалась с ведром, вот вместе с ним и загремела через эту шельму!

- А соседи что же?

- Да что соседи! Клавка прискакала, давай охать-ахать! Думаешь, обо мне беспокоилась? Как же! Морду эту пучеглазую на руки схватила – ой, ой Веснушечка, как ты малышка! А уж потом на меня внимание обратила, когда мужейный явился! Он видать гадость эту, которая собакой называется, тоже не переваривает. Ну вот, усадил меня в машину, у них «Запорожец» есть, и сюда привёз.

- А вы одна живёте? – спросила Лёля, заглянув в карточку пациентки, - Глафира Трифоновна, вам есть кому помочь? С гипсом вам ходить долго придётся, дети у вас есть?

- Тебя, внученька, как звать? – спросила Глафира Трифоновна.

- Леонилей меня зовут, можно просто Лёлей.

- Леонила... имя какое чудное... тебе идёт. Нету у меня детей, Лёлечка. Не дал Господь, видать за грехи мои тяжкие. Мужа схоронила много лет назад, старатель он у меня был... Остался мне от него дом да фамилия красивая – Метель. Вот одна и живу, век свой доживаю.

- А как же вы будете тогда? – Лёлька обеспокоилась, - Сейчас я схожу к Ивану Тимофеевичу, спрошу – может быть мы

вас в стационар определим. Здесь за вами будет и уход, и присмотр.

- Что ты! Не ходи никуда, не останусь я в больнице, нельзя мне. Хозяйство у меня, куры, козы, свинки две имеются. А за меня не переживай, внученька, сестра у меня недалеко живёт, во всём поможет. Хорошая ты, Лёлечка.

Пожилая женщина как-то пристально посмотрела прямо в глаза Лёльке, от чего та поёжилась, так стало неуютно от этого взгляда серых, будто чуть выцветших от возраста глаз. Суховатая ладонь накрыла Лёлькину руку и с силой её сжала.

- Хорошая ты, добрая, - протяжным голосом сказала Глафира Трифоновна, - Жаль только, что за доброту такую достаётся в жизни не один ковш горькой полыни отведать...

- Как вы себя чувствуете? – очнулась Лёлька и отняла руку, - Доктор назначил вам уколы, я могу приходить к вам домой, колоть, вы сюда ведь не сможете сами-то, с гипсом. Где вы живёте?

Лёлька сама от себя не ожидала этих слов, но как-то прониклась она к этой бабуле с красивой поэтичной фамилией «Метель»... что-то ощущалось к ней такое, может быть, подумала Лёлька, Глафира Трифоновна напоминает ей бабушку, которой не стало, когда Лёля была еще школьницей...

- Внученька, Лёлечка, благодарствуй за доброту. Ты не думай, я оплачу, пенсия у меня хорошая, я в лесхозе с малых лет отработала. К Клавке, соседке моей. Ходила тоже как-то докторша колоть, так недорого брала.

- Нет, что вы, мне не нужно денег! – вспыхнула Лёлька, - Мне не трудно, не беспокойтесь.

- Ну, сочтёмся на добром деле, - видя смущение Лёли, ответила Глафира Трифионовна, - А живу я не так чтобы далеко – в Почтовом переулке третий дом, знаешь где?

- Знаю, мы недавно там рядом были на вызове с Екатериной Фёдоровной. Ну, завтра и приду. Пока полежите, я за доктором схожу.

До самого вечера не выходил у Лёльки из головы этот странный разговор с пациенткой. Доктор Гладков давно уже осмотрел рассказывающую о злобных выходках Веснушки бабулю, потом дал указание Григорию увезти её до дома на больничной «Буханке», и вскоре машина отбыла с больничного двора, увозя странную пациентку, а Лёлька всё думала про неё. Несладко, наверное, одной-то на старости лет...

- Что, увезли ведьму? – в кабинет заглянула Ксюша, - Я её боюсь почему-то, у неё такие глаза... глянет – у меня мороз по коже!

- Почему же ведьма? – удивилась Лёлька, - Очень приятная бабуля, добрая, смеется хоть и от боли покряхтывает. Совсем не злая, что ты!

- Да нет, я не в том смысле, что она злая! – махнула рукой Ксюша, - Она на самом деле ведьма!

- Что ты болтаешь! – рассмеялась Лёлька, - Ты что, тебе сколько лет, чтобы в такие сказки верить, про бабу-ягу и кощя!

- А ты не смейся, я правду говорю! – чуть даже и обиделась Ксюша, - Вы, городские, этого не понимаете. Она ведовством занимается, или как это называется! К ней много кто ходит по своим нуждам, да только все о том помалкивают, потому что в клубе на собрании никому не охота быть осмеянным за то, что в бабкины заговоры верит! А она... на самом деле может. У моей подруги Полины сестра старшая есть, так у той муж загулял с приёмщицей из Тереховки, а в семье трое ребятишек, шутка ли! Так она к бабке Глаше ходила, что-то там делала, и вернулся мужик! С той поры на сторону и не глядит! Так вот, а ты смеёшься!

- Ксюш, ну прости, не обижайся. Я вовсе не над тобой смеюсь, просто странно в наше время про такое слышать, что кто-то ещё в эти старинные привороты-отвороты верит!

- Она ещё травами ведаёт! – прошептала Ксюша, округлив глаза, - Я вообще не удивлюсь, если она сейчас там себе травок-корешков заварит и дня через три лучше молодой скакать по двору начнёт!

- Скажешь тоже! – Лёлька старалась не смеяться, хотя внутри её распирало от смеха, - У людей в возрасте долго кости срастаются. Доктор вот ей назначил, витаминки всякие, покой, а ты – скакать по двору!

- Вот увидишь! – таинственным голосом ответила Ксюша и исчезла за дверью, по коридору простучали её торопливые шаги.

Лёлька торопилась после работы домой. Они уговорились

с Володей, что поужинают вместе, а после сходят прогуляться, несмотря на крепкий морозец. Дорогой девушка думала, что бы такого сообразить на ужин, чтобы было вкусно и быстро, а ещё Володя сегодня работал в новой команде – у Михаила Пантелеева, и Лёльке не терпелось узнать, как у него всё сложилось. За своими мыслями и раздумьями она вовсе и позабыла обо всём остальном.

Глава 7.

В канун Нового года Лёлька собиралась в клуб. Она сняла со стены небольшое зеркало, подаренное заботливой Аней, и старалась разглядеть, как она выглядит в новом платье вся, целиком. Но, конечно, в тридцатисантиметровое зеркало было видно только «фрагменты», но и они Лёльке нравились! Сшитое Аней платье мягко струилось по её фигурке, а кружевной воротник – подарок Ани – оттенял свежее Лёлькино личико.

Володя обещал зайти за ней и скоро они вместе отправятся в клуб, сегодня там «Новогодний Голубой Огонёк», концерт и танцы. Лёлька только сейчас поняла, что ей, привыкшей к живой столичной жизни, так не хватает хотя бы маленького праздника в череде рабочих дней. В Москве Лёлька почти каждые выходные отправлялась куда-то с подружками, или с мамой и папой в театр, который она любила. Но лёгкий её характер не позволял ей сильно скучать по всей этой столичной жизни – она находила свою особенную прелесть и здесь, в небольшом посёлке. А интересного здесь было много!

Например, чего только стоили волшебные, звучные и чарующие своим самобытным языком рассказы бабушки Глаши, которые Лёльке доводилось слышать, когда она приходила сделать пациентке укол. Да и сам дом Глафиры Трифионов-

ны производил на Лёльку неизгладимое впечатление. Расшитые занавески, прихваченные по бокам, были под стать резным внутренним ставенкам, растворенным по случаю солнечного утра. На стене у большой русской печи, аккуратными пучками были развешаны душистые травы, мешочки с травами и корешками лежали в больших плетёных корзинах, расставленных на деревянной скамье у стены.

- Травы, Лёлочка, они дар Земли нашей, - говорила баба Глаша госте, - Ими любую хворь можно вылечить, ежели знать как. Землю нашу любить и уважать – вот что должен делать человек, а сейчас всё чаще народ и не ведает, что ногами топчет. А ведь травы-то разные есть, одни могут вылечить, а другие и сгубить.

Глафира Трифоновна несмотря на свой гипс была, как говорится, «живее всех живых»! Опираясь на костыли, добытые где-то заботливой сестрой, она заваривала для Лёльки чай в пузатом чайнике в крупный горох и рассказывала, что «несносная Клавка, хозяйка вредной шавки Веснушки, приходила к ней справиться, как её самочувствие»!

- Представляешь, еще и укорила меня, что я их собаченьку чуть не зашибла, когда с крыльца своего летела! – возмущённо размахивая полотенцем, говорила баба Глаша Лёлке, - У неё, бедняжки, говорит, теперь даже зуб шатается! А то, что я теперь чуть не инвалидом осталась – это ничего! Вон, яблочек мне принесла, «сердобольная», витаминчики, говорит! Мегера! И собака у них противная!

Из-за печи, помахивая пышным, похожим на метёлку хвостом, вышел огромный черный котище... И как умеют только кошки, посмотрел на Лёльку снизу... свысока. Примерно представляя «габариты» соседской Веснушки, Лёлька поняла сарказм хозяйки этого великолепного красавца.

- Барсик, иди покушай, малыш! – ласково позвала баба Глаша и поставила в уголок беленькую мисочку со сметанкой, - Вот, Лёлечка, это мой красавец! Уж он-то никогда бы не попал никому под ноги, потому что умный! Не то что некоторые!

От бабы Глаши Лёлька выходила в таком благостном настроении, душа её была так светла и спокойна, что девушка даже не обращала внимания на заливающуюся тонким свирепым лаем Веснушку, беснующуюся за соседским забором. По низу штaketины забора меж дворов были оббиты кусками фанеры, видимо после этого неприятного происшествия, чтобы преградить путь на соседский двор этому рыжему «страшному зверю».

Сейчас, примеряя серёжки, присланные мамой, Лёлька улыбнулась, вспоминая этот эпизод. Нужно будет завтра, когда она снова пойдёт делать бабе Глаше укол, захватить какое-нибудь лакомство для Барсика... Лёльке очень хотелось с ним подружиться, взять эту чёрную пушистость на колени, погладить богатую шёрстку, почесать ушки... Но кот явно считал себя особой королевской и не откликался на всякое там: «Кисонька, иди ко мне!» Придётся прибегнуть к хитро-

сти с помощью докторской колбасы...

- Лёля, ты готова? – после короткого стука у двери раздался голос Володи.

- Да, входи, я почти готова, - отозвалась Лёлька, предвкушая удивление парня, когда он увидит её в новом платье...

- Пойдём, мне жарко уже, - поморщился Володя, мельком глянув на девушку, - Я уже выходить собрался, куртку надел, да меня Лёшка Симончин перехватил, утюг дай, говорит, срочно надо.

- Сейчас, только туфли захвачу, - вздохнув украдкой, ответила Лёлька, не такой реакции она ожидала.

Небольшой поселковый клуб гудел радостным предвкушением праздника. У крыльца, чуть поодаль, стояли группками мужчины, дымя сигаретами, ведя неспешные разговоры, и словно не обращая внимания на крепкий мороз. Клубы пара, попеременно с сизым дымом сигарет, понимались над компанией и растворялись в чёрном небе, усыпанном звёздами.

Лёлька уже порядком промёрзла в тонком платье под пальто и мечтала поскорее оказаться в тёплом помещении. Вот уже слышна музыка за дверьми клуба, и Лёлька прибавила шагу.

- Постой! – остановился вдруг Володя, - Подожди меня, я сейчас быстро с Пантелеевым поздороваюсь!

- Я пойду внутрь, мне холодно, - постукивая зубами отозвалась Лёлька.

- Две минуты можешь потерпеть? Что я потом, по всему клубу буду бегать тебя искать? Пришла со мной, так и будь рядом! – буркнул Володя и не дожидаясь ответа отправился к компании курящих мужчин.

Лёлька расстроилась. Расхотелось идти в клуб и весёлое настроение куда-то улетучилось. Но стоять тут на морозе, когда она и так чувствовала, как тонкие капроновые колготки уже примерзают к коленкам, она не собиралась. Пожав плечами, она постаралась принять на себя невозмутимый и весёлый вид, и взялась за ручку тяжёлой двери.

- Позвольте, я вам помогу! – раздался позади неё голос, и твёрдая мужская рука отворила перед нею дверь.

- Спасибо! – Лёлька обернулась и увидела позади себя улыбающегося мужчину с чёрными усами, под руку с женщиной в рыжей симпатичной шубке.

- С Наступающим вас! – улыбнулась Лёльке женщина и вскоре пара исчезла в толпе.

Клуб был полон, как показалось вошедшей с мороза Лёльке. Она даже немного растерялась от такого количества народа, но к ней подлетела Наташа, девушка, с которой они познакомились в театральном кружке, и что-то говоря потащила Лёльку к стайке девчат.

- Лёля! Какое платье! Ты просто принцесса! – воскликнула Инна Львовна, руководитель кружка и заведующая клубом, - Иди вон туда, там наши девчонки переобуваются в туфельки. Скоро начало концерта, поспеши.

Лёлька стояла рядом с Наташей и её сестрой Полиной, когда Володя наконец нашёл её. Лёлька увидела парня, когда он с хмурым лицом вошёл в клуб, пожимая протянутые руки знакомых и оглядывая толпу.

- Ты чего ушла! – наклоняясь к самому уху девушки, прошептал Володя, - Я как дурак тут...

- Я же сказала, мне холодно на улице стоять, - ответила Лёлька, - Слушай, давай не будем портить вечер пустыми придирадками, вот уже концерт начинается.

Вскоре вроде бы и позабылось обоюдное недовольство, Володя гордо поглядывал на Лёльку, увидев, как восхищённо смотрят на неё присутствующие, особенно мужского пола. Он взял девушку под руку, улыбался довольной и гордой улыбкой, представляя своим коллегам Лёльку.

- Это Миша Пантелеев, наш «красный командир», так сказать! А это моя невеста, Лёля, - сказал Володя, когда к ним подошёл невысокий симпатичный парень, чуть постарше самого Володи.

- Очень приятно познакомиться. Лёля, вы очаровательны, как... Снегурочка! – улыбнулся Миша, - Я вдруг вспомнил, как мы с мамой ездили в гости к её сестре, в Ленинград. И там нас, детей, водили на новогоднее представление. Вот там и увидел впервые настоящую Снегурочку, а не нашего воспитателя в детском саду, Ульяну Ивановну в костюме! Так вот, вы – та самая чудесная Снегурочка, внучка Деда Мороза, и не отрицайте!

- Распелся, соловей, - добродушно рассмеялся Володя, а Лёлька чуть зарделась от такого приятного сравнения со Снегурочкой, - Девушка занята, поздно!

- Понятно, что занята, - улыбнулся Миша, - Однако, пока ты не женился, Володя, имей ввиду – может вот возьму да и отобью!

- Это кого ты тут отбивать собрался? – к Мише подошла миловидная девушка с тёмной густой косой, перекинутой через плечо.

Это была, Саша, Мишина родная сестра, она работала в местной школе учителем физики и математики. Девушка тут же подхватила Лёльку под руку и завела непринуждённый разговор о своём, девчачьем. За вечер Лёлька перезнакомилась с такой уймой народу, что уже не могла и вспомнить всех лиц и имён, но все без исключения ребята ей понравились и... удивили её своей увлечённостью работой, и местными красотами, «романтикой тайги», которая так влекла молодёжь преодолеть все трудности и доказать, в первую очередь самому себе, что ты чего-то стоишь в этой жизни.

Лёлька подумала, что даже не будь Володи... она бы всё равно не пожалела о своём решении приехать сюда. Без мамы и папы, без удобств и привычного домашнего уюта...

Усталая, она шла рядом с Володей, когда они далеко за полночь возвращались в общежитие. Володя что-то говорил ей, но она слушала его как-то вполуха, свои мысли не давали уловить суть беседы, разбегались в разные стороны.

- Ты не слушаешь? – тронул её Володя за руку в тёплой варежке, - Замёрзла совсем? Пойдем скорее, мороз сегодня... Слушай, завтра тридцать первое, хорошо, что у тебя выходной... Давай сейчас переоденемся, и я приду к тебе, посидим немного? Я для такого случая припас бутылочку игристого, Грибов Денис в район ездил, я с ним заказывал... Побудем вдвоём, в тишине, а то у меня в комнате шесть здоровых парней, устал я от этой компании что-то.

- Володь, поздно уже... Мне завтра утром надо идти к бабушке Глаше, укол сделать. А потом на работу ещё нужно, хоть и выходной, но я обещала подменить Риту на полдня, она поедет с ребёнком в район... Мне бы поспать, ты прости...

- Не понимаю, чего ты к этой старухе бесплатно таскаешься! – недовольно поморщился Володя, - Говорят, у неё денег куры не клюют – ни детей, ни семьи нет, куда ей их ещё девать! Могла бы и заплатить тебе за это!

- Ты что, как можно за это деньги брать! Мне не сложно, я по пути на работу или с дежурства к ней забегаю! – ответила Лёлька, - И она всегда меня благодарит, то пирожков напечёт, то варенья баночку подарит, или огурчиков! Сметану домашнюю, творог – всё от неё приношу, а ты – деньги...

Ничего не ответил Володя, фыркнул только как-то насмешливо, дескать, варенье-огурчики... детский сад, не иначе. Он был явно недоволен наивностью и неосмотрительностью Лёльки.

Глава 8.

Близились новогодняя ночь, Лёлька спешила домой. Вообще у неё сегодня был выходной, но по просьбе Риты, старшей медсестры, Лёля провела полдня на работе. Теперь же она шла по расчищенной трактором дороге, любовалась сияющим вечерним небосводом, усыпанным звёздами. От родителей она получила поздравительную телеграмму и посылку с гостинцами, и сейчас намеревалась заглянуть по пути домой к Глафире Трифоновне, чтобы поздравить её с наступающим новым годом. Под мышкой Лёлька несла свёрток – по её просьбе Рита купила в районе красивый шерстяной платок для бабушки Глаши. Володя бы не одобрил такого Лёлькиного поведения, поэтому она ничего не говорила ему об этом. Может быть, и ещё кому-то из местных такая дружба казалась странной, но Лёльку это не особо заботило. Бывая в доме Глафиры Трифоновны, она ощущала такое тепло и уют, искреннюю заботу, что не обращала внимания на Володино ворчание.

- Ты же медик! – говорил ей Володя, когда утром пришёл из своего крыла проводить подругу на работу, - Ну ладно, уколы ты ей делать ходишь по простоте своей, но для чего ты ещё то к ней шастаешь? Ты вообще знаешь, что про неё в посёлке говорят?

- Нет, не знаю, - ответила Лёлька, - Да и какая разница здесь много про кого говорят.

- Она какими-то там травами людей лечит! Ты, как мед-

работник, такое должна осуждать и пресекать, а ты поощряешь! Говорят, что она вообще... ведьма!

- Что, и на метле в трубу летает? – рассмеялась Лёлька, - Ну вот пойду к ней, тогда и спрошу, может и меня научит!

- Ты зря смеёшься! – надулся Володя, стоя рядом с Лёлькой в кухне, когда она готовила им омлет на завтрак, - Это может на тебя саму повлиять негативно, на твою работу! Имей ввиду, если узнают... что ты, медсестра, а с этой знахаркой водишься... Могут за такое и уволить!

- Не смейся, что за глупости! Из-за сплетен ещё никого не увольняли. Да и вообще, всё это неправда! Ничем таким Глафира Трифоновна не занимается. Ну, заваривает шиповник, сушёную малину и зверобой при простуде, что в этом вредного? Я видела, как к ней соседка приходила, у которой диабет. Так бабушка Глаша ей строго так говорила, чтобы та не думала бросать лечение, которое ей доктор назначил. А чай лечебный – это только чай, добавок к лекарствам. И хватит слушать эти всякие глупости про людей!

- Ну, как хочешь, я тебя предупредил, потом не жалуйся! – проворчал Володя, усаживаясь за накрытый завтрак, - Кстати, вечером нас приглашают в гости Миша с сестрой. Они снимают комнату в доме, ребята некоторые у них соберутся, вот и нас зовут. Пойдём? Лучше ведь, чем тут, в общаге сидеть. И ещё у меня есть для тебя сюрприз, так что не задерживайся вечером, приходи пораньше, хорошо?

- Хорошо, а что за сюрприз? – любопытно взглянула на

парня Лёлька.

- Увидишь! Ну, я пошёл, меня ребята ждут! – Володя положил вилку на стол, чмокнул в щеку Лёльку и исчез за дверью.

Теперь же Лёлька спешила поскорее вернуться в общежитие, чтобы не сердить Володю опозданием, да и ей самой было очень любопытно, что же это за сюрприз. Мороз вскрепчал к вечеру, дым из печных труб ровными столбиками поднимался к небу, снег похрустывал под валенками и звук этот разносился по округе, до самых сопок. Лёлька хоть и потирала варежкой озябшие щёки, но всё же остановилась полюбоваться на такую красоту. В столице такой картины, словно из старого кинофильма, не увидишь... А здесь, куда ни оглянись, раскидывается пейзаж, достойный кисти художника, и Лёлька пожалела, что сбежала когда-то из художественной студии, куда её пыталась определить мама.

При воспоминании о маме, об отце и доме защемило тоскою сердце, всплакнула душа... Лёлька ведь никогда не оставалась раньше одна. Её даже в пионерский лагерь ни разу не отправляли, хотя она и просилась. Но мама в этом вопросе была непреклонна – она брала отпуск и везла Лёльку к морю, набираться сил и здоровья. Иногда и отцу удавалось выбраться вместе с семейством, и уж тогда это были самые лучшие дни. А новогодняя ёлка! В их доме всегда, каждый год обязательно появлялась пышная лесная красавица, до самого потолка. Украшенная игрушками, конфетами и мишурой,

она приводила Лёльку в полный восторг, и даже засыпая, девочка ощущала это витающее в воздухе волшебство.

Открыв дверь в свою небольшую комнатку, Лёлька вздохнула... Не сказать, чтобы она жалела о своём приезде сюда, в Ключевую, но всё же сейчас, в новогоднюю ночь ей так хотелось оказаться дома... Колдовать вместе с мамой над угощением, развешивать с папой мишуру и дождь на высокой ёлке. Хотя в днях, когда Лёлька звонила домой поздравить родителей, мама сказала, что ёлку они в этом году не ставили...

- Папа ещё на больничном, хорошо хоть домой выписали, - говорила ей мама, - Зачем нам ёлка, вдвоём будем, гостей не будет, да и сами ни к кому не пойдём. Я вот вчера купила у метро еловые веточки, стоят в вазе. Вот и весь новый год...

Грустила мама, и Лёлька тоже грустила, вспоминая мамини слова и дом. Но, не век же сидеть возле мамы, как говорил Володя, и Лёлька встряхнулась. Включив свет в комнате, Лёлька глянула на часы – нужно было поскорее собраться, их ждут ребята.

В этот раз Лёлька оделась поскромнее, ну и потеплее, потому что до дома, где живут брат и сестра Пантелеевы, идти было довольно далеко.

В дверь тихонько стукнули, она чуть скрипнула и приоткрылась. Знакомый Володин голос негромко окликнул Лёльку и отвлёк её от грустных мыслей.

- А я курить вышел, смотрю - у тебя свет зажегся, - Володя стоял у двери, что-то пряча за спиной, - Ну, думаю, значит

пора.

- Да, я только пришла. Сейчас соберусь и пойдём, нас же ребята ждут.

- Ничего, подождут, - ответил Володя и отчего-то покраснел, - Я хочу тебе сказать...

Из-за спины Володи показался небольшой букетик цветов, сам он покраснел ещё сильнее и немного заикаясь произнёс:

- Лёля, я... хочу сказать тебе – выходи за меня замуж!

Лёлькино сердце замерло, а потом гулко стукнуло, и от него загорелось всё – и щёки, и всё тело залило тёплой волной. Она не ожидала этого, даже когда Володя говорил накануне про какой-то сюрприз, но всё же... Он протянул ей цветы, Лёлька взяла дрогнувшей рукой пластмассовые стельки.

- Живых здесь не достать, - виновато покачал головой Володя, - К сожалению, это не столица, где можно даже зимой купить розы... Я и это-то в район заказывал, Костя наш ездил по делам, вот уж и привёз, что было. Ты прости меня за это, как только будет возможность, я обязательно раздобуду настоящие!

- Ничего, эти тоже очень красивые, - прошептала счастливая Лёлька, прижимая к себе розовые тканевые лепестки.

- Так что, ты согласна? – с надеждой спросила Володя.

Лёлька даже ответить ничего не смогла, только кивнула в ответ, потому что так боялась расплакаться. Она мечтала

услышать эти слова... можно сказать, что и ехала она сюда за ними.

Володя радостно улыбнулся, взял Лёльку за руку, поднял со старого общежитского стула и закружил, насколько это позволяло пространство маленькой комнатки.

- Ну, теперь можно и в гости! Вот ребята удивятся такой новости! – застёгивая куртку, говорил Володя смущённой и еще не пришедшей в себя девушке, - Скоро мы с ребятами на три недели уедем, а когда вернёмся – вот тогда можно и расписаться будет. В район только нужно поехать, чтобы заранее заявление подать, говорят, что народу немало, желающих зарегистрироваться...

- Володя... ты что! Так нельзя, какое заявление! И ребятам пока не нужно ничего говорить, - покачала головой удивлённая Лёлька, - Нужно сначала родителям сообщить, да и поехать к ним надо. Я с твоими вообще не знакома даже! Так что раньше лета нечего и думать, а вот летом у нас с тобой отпуск. Нужно будет попросить, чтобы вместе дали, и в Москве расписаться. Небольшой вечер с родителями устроить, всё же такое событие раз в жизни бывает.

- Да мы с тобой вроде бы совершеннолетние уже, взрослые люди. Такие вещи можем сами решать! – Володя нахмурился, и Лёля видела, что он сдерживается и старается говорить спокойно, - Ты что же, считаешь, что твои родители не одобряют такой выбор? Вот для моих достаточно и того, что им телеграммой сообщу, что женюсь. И всё! У них своя жизнь – у

меня своя! И нечего устраивать эти посиделки старомодные в столичных ресторанах, вот что я скажу! Мы с тобой люди современные, отметим с друзьями, молодёжная свадьба, и этого достаточно! Или ты не согласна?

- Не согласна, - ответила вдруг Лёля, от чего у Володи брови поползли вверх, - У нас в семье по-другому, и телеграммы недостаточно! Если хочешь на мне жениться, тебе придётся это принять и учитывать и моё мнение тоже по этому поводу!

- Да ты пойми! - Володя с жаром сжал Лёлькину ладонь, - Я просто не хочу ждать до лета! Мы с тобой любим друг друга, чего тянуть и соблюдать старомодные традиции! Поженимся и заживём!

Но увидев, как потемнело лицо девушки, Володя сбавил тон.

- Ладно, давай не будем пока про это всё! Такой хороший вечер, скоро новогодняя полночь, желания можно загадывать! А моё уже сбылось – ты согласилась выйти за меня! Остальное уже мелочи, что-нибудь да придумаем, так ведь? Ну, пойдём, а то ребята заждались!

Лёлька шла позади Володи по узкой утоптанной тропинке, смотрела на его широкую спину и думала... даже если мама с папой будут против, она всё равно не сможет от него отказаться.

Глава 9.

Да, родители были не в восторге от такого решения дочери, в этом Лёлька угадала. Когда она позвонила домой и сказала маме, что Володя сделал ей предложение, а она его приняла, на том конце провода повисло долгое молчание.

- Мам? Ты там? – испуганно прокричала Лёлька в шуршащую трубку.

- Да, я здесь, - ответила мама, - Лёля, такие вещи нельзя так вот делать. Ты ведь даже с его семьёй не знакома, да и мы тоже не знаем, что это за люди. Даже не знаем, где они живут, откуда он, этот Володя... Мы не станем тебе запрещать, конечно, но всё же должно быть по-людски!

- Наташенька, что там? – раздался там, рядом с мамой, такой родной, а сейчас такой пугающий голос отца, - Это Лёля? Дай, я с ней поговорю!

- Тебе нельзя волноваться, - сказала Наталья Сергеевна больше для Лёльки, чем для самого Георгия Николаевича, - Недолго только поговорите, береги себя.

- Папа! Папочка, привет! – Лёлькино сердце сильно и громко стучало в висках, - Как ты себя чувствуешь?

- Всё хорошо, дочь, иду на поправку, - ответил ласково Георгий Николаевич, и на душе у Лёльки немного отлегло, - Мать говорит, ты там замуж собралась? А чего так скоропостижно, случилось что?

- Пап, да ничего не случилось, - Лёлька залилась такой густой краской и жаром, и порадовалась, что родители её не видят, - Правда, пап.

- Ну а в таком случае, куда торопиться? – по-доброму, без обычной своей строгости говорил отец, - Вот летом приедете, познакомимся поближе. Где Володины родители живут, вроде бы ты говорила – в Подмоскovie? Вот, соберёмся и в гости съездим, если уж они не хотят познакомиться с родителями невесты, да и с ней самой.

Лёлке уже некуда было краснеть ещё сильнее, но стало вдруг и в самом деле как-то стыдно. Она пребывала в такой радостной эйфории от того, что тот, кого она любила всей душой, хочет разделить с нею жизнь... Перед глазами представлялись её родители, нежное отношение которых друг к другу Лёля наблюдала всю свою жизнь. Ведь у них с Володей непременно будет так же...

Но отец прав. И мама тоже права, так нельзя. Нужно поехать к родителям Володи, в небольшое село под Малоярославцем, познакомиться. Он говорил, что у него есть сестра, и Лёлька была уверена, что они подружатся! Мама и папа увидят, что Володя вовсе неплохой человек и помогает своей семье, ведь Лёлька знала, что он каждый месяц после зарплаты отправляет матери деньги. И вот тогда всё у них будет хорошо, всё будет правильно. Но зная вспыльчивый Володин характер, Лёлька теперь ломала голову, как бы это всё ему сказать.

Всё получилось совершенно не так, как это видела в своих «розовых» мечтах влюблённая девушка, но и не так, как задумывал Володя.

После нового года Володя вместе с командой Миши Пантелеева ушёл на неделю в поход. Лёлька же брала ночные смены, подменяя коллег, ей теперь очень нравились именно ночные дежурства. Можно было спокойно подумать про своё, закончив все дела и заполнив журналы. Тишина в больничном коридоре только изредка прерывалась чьим-то кашлем, и Лёлька чутко прислушивалась, не нужна ли помощь. Но успокоившись, снова погружалась в свои мысли.

- Ничего удивительного, что Володя хочет поскорее жениться, да ещё и без всякого торжества, - сказала Лёльке Света, когда та поделилась новостью с подругой, - Сейчас это стало модно, после подачи заявления месяц дают на подготовку и всё – новая ячейка общества готова. Обычное дело, если честно. Но вот если ты сама хочешь свадьбу и всё такое – то почему бы и нет. Я считаю, Володя должен и с твоим мнением считаться.

Вернувшись утром с дежурства, Лёлька устало вздохнула, оказавшись наконец в тёплом общежитии. Сейчас стояли такие морозы, о каких Лёлька только в книжках читала.

- Горелова! Тебе телеграмма! – прогремел на весь коридор зычный голос Августы Петровны, - Я за тебя расписалась, чтоб почтальоншу по морозу до больницы не гонять! Недавно принесли.

- Спасибо, Августа Петровна!

Телеграмма была от родителей. В ней говорилось, что через две недели с небольшим мать и отец будут здесь, в Ключевой. Сняв шапку, Лёлька расстегнула пальто, уселась на стул в своей комнатке и не знала... радоваться этой новости или огорчаться. С одной стороны, она страшно соскучилась по родителям, и ей очень хотелось показать им, как она здесь устроилась и живёт самостоятельно. А с другой стороны...

Когда Володя вернулся, Лёлька первым делом сообщила ему эту новость, с замиранием сердца ожидая его реакции. Тогда она впервые поняла, что же значит – оказаться между двух огней. Но, на удивление, Володя горячо приветствовал такую новость, и был рад возможности поговорить с родителями невесты:

- Вот и хорошо, что твои родители приедут! Пусть всё увидят своими глазами, что здесь и как, успокоятся, что всё хорошо. Поговорим с ними, объясним, что теперь совсем другое время, новая жизнь, современная!

Лёлька чуть выдохнула после этих слов любимого и решила, что сейчас важнее найти для родителей жильё на ту неделю, что они будут гостить в Ключевой. Володя вызвался найти машину, чтобы встретить их на станции.

Насчёт жилья неожиданно ей подсказала Глафира Трифионовна, когда Лёлька пришла к ней сделать укол и сообщить, что доктор назначил приём через неделю.

- Ты спроси у Ани Векшиной, у неё тётка сдаёт комнату,

- сказала бабушка Глаша, - Дом большой хороший, хозяйка сама приветливая. У неё много кто останавливается, даже москвичи, кто с проверкой приезжает. Гостиница у нас не особенно удобствами блещет, так уж лучше у хозяйки в тёплом доме. И берёт она недорого, Варварой Александровной её зовут.

- Спасибо, и правда, мне же Аня говорила, только я позабыла про это.

- Ну, не мудрено и позабыть, - внимательно глянув на девушку, сказала баба Глаша, - Что, какие новости, Лёля?

- Володя меня замуж зовёт, - покраснела Лёлька, ничего-то не утаить от проницательной бабули.

- То-то и оно, - вздохнула Глафира Трифоновна, - Замуж не напасть, как бы за мужем не пропасть... Хоть бы глазком на твоего жениха глянуть, каков гусь.

- Почему же гусь, - рассмеялась Лёлька, - Он геолог, любит свою работу, встречаться мы стали еще в Москве, когда учились.

- Ну, если работу любит – это хорошо, - кивнула бабушка Глаша, - Работающий супруг – это благо, и жена и детки в достатке будут. А родители твои что, одобряют? И его родители тебя приняли?

- Ну, мама с отцом вот приедут, всё обговорим, а его родители... Володя сказал, они примут его выбор.

- Не торопилась бы ты, девонька, взамуж-то. Оно дело нехитрое, но ведь на всю жисть.

Лёлька возвращалась домой от Глафиры Трифоновны и искренне недоумевала, что же это всем вокруг приспичило её учить и отговаривать, что делать, чего не делать! Можно подумать, она сама не разберётся! Ведь главное между людьми что? Они с Володей любят друг друга, а что ещё нужно для счастливой жизни? Ничего!

Вот так она и сказала отцу, когда они сидели вечером в просторной комнате, которую по просьбе Ани предоставила Варвара Александровна, по совершенно смешной цене. На столе стоял небольшой самовар и тарелка с оладьями – хозяйка оказалась хлебосольной и радушной к своим гостям.

- Я не сомневаюсь в том, что вы друг друга любите, - ответил дочери Георгий Николаевич, - Я только хочу узнать, почему вы так спешите с этой свадьбой? Мы с мамой потому и приехали, может случилось что... а ты нам сказать не решаешься. Так что же, дочь?

- Папа, я всё вам сказала, как есть, - щёки девушки снова залил румянец, - Я понимаю, о чем ты меня спрашиваешь, но... нет.

- Что ж, если ты уверена в нём... Ты наша единственная дочь..., - голос Георгия Николаевича задрожал, - И, наверное, нет на земле такого человека, которого бы мы сочли достойным тебя.

За эту неделю, что родители Лёльки провели в Ключевой, Володя постарался произвести на будущих тестя и тещу самое лучшее впечатление. И, надо сказать, ему это удалось.

Наталья Сергеевна одобрительно говорила, что человек, который так увлечён своим делом, далеко пойдёт в этой жизни. И только Георгий Николаевич по-прежнему молчал, хотя по его смягчившемуся взгляду было видно, что и ему нравится, как заботится Володя о дочери, даже не смотря на состоявшийся с будущим зятем непростой разговор.

- Теперь я понимаю, почему Володя не везёт тебя знакомить с семьёй, - сказал Георгий Николаевич дочери, когда они неспешно шли по улице от больницы к дому, - Я вызвал его на разговор и мы всё выяснили. Но я считаю, что он и тебе должен всё рассказать, что ему и посоветовал. Между супругами не должно быть такого рода тайн.

Поэтому чуть позже Лёлька узнала, что рос Володя у тётки, потому что родители его здорово пили. Отца с трудом терпели в местном колхозе, то увольняли, а то принимали обратно, взяв «на поруки» и не давая окончательно скатиться. Мать работала техничкой в конторе, и тоже попивала, только по-тихому, от безысходности. И когда Володе исполнилось двенадцать, он ушёл жить к родной тёте, устав от постоянных скандалов, которые устраивал отец.

- Тётя умерла, когда я поступил в институт, - говорил Володя, не глядя на Лёлю, - Мать и отец обо мне и знать не хотят, у них своя жизнь... считают, что я предал их тогда. Я приезжал пару раз, ничего, кроме упрёков и просьбы дать денег не услышал. Такие дела... Так что, ты думаешь, нам с тобой стоит поехать и сообщить им о свадьбе? Да им пле-

вать, жив ли я вообще... Я хотел тебе это рассказать, всё момент выбирал. Твой отец прав – ты должна это знать. А раньше не говорил... потому что боялся – бросишь меня такого! Кому нужен такой жених!

- Глупости! – решительно ответила Лёлька, - Зря раньше не рассказал, ничего в этом такого нет... у всех разные семьи, и ты за своих родителей не в ответе.

- Так ты... мы поженимся?

- А ты просил моей руки у отца? – рассмеялась Лёля, - Как в старые добрые времена! Если нет, то поспеши, а то родители скоро уедут!

Всё вроде бы сложилось наилучшим образом, перед отъездом родители обещали снова приехать сюда на регистрацию брака, раз уж молодёжь отказывается ждать лета и устраивать свадьбу «как у людей». Но всё же видела Лёлька какую-то тревогу в глазах отца, чуткая к ним после долгой разлуки.

- Пап, ну что ты! Я ведь говорила, что Володя хороший, и всё будет хорошо.

- Да... я надеюсь, что тебе виднее, каков твой будущий муж на самом деле. Что сказать, я ведь помню, что родители Наташи тоже были не в восторге от такого жениха, как я! И только спустя время и присмотревшись, одобрили выбор дочери.

Весенним мартовским днём, когда весна даже ещё и не заглядывала в эти края, на Лёлькином пальчике засверкало

тонкое обручальное колечко. Она вышла замуж за того, ради кого бросила бы всё на свете.

Глава 10.

Когда зазвенела первая капель, прошли по Ключевой слухи, что команда Морозова возвращается. Лёлька слушала эти известия вполуха, работы ощутимо прибавилось. Вместе с пришедшим за время работы опытом её обязанности тоже становились всё объёмнее. Да и весенние простуды никто не отменял, поэтому услышав эту новость, Лёлька почти не обратила на неё внимания.

Они с Володей не так давно переехали в небольшой домик на два крыльца, где занимали меньшую его половину – только комната и кухня. Но Лёлька была довольна и этому, потому что это была своя кухня, где не нужно было ждать очереди, чтобы что-то приготовить, и никто не заглядывает тебе через плечо, что же ты там готовишь, и не кричит на всю кухню: «У кого есть сахар? Одолжите срочно!»

Лёлька, благодаря советам бабы Глаши, быстро разобралась как топить небольшую печку, как готовить на старой электрической плитке, которая валялась в углу кухни, когда они въехали в дом. Володя починил плитку, и работала она не хуже новой. Воду нужно было носить с колонки, благо было недалеко, но всё это Лёльке было не трудно. Она была совершенно счастлива в этом маленьком домике.

Володя возвращался домой вечером, они ужинали и вместе мыли посуду, по выходным принимали у себя друзей или

сами шли в гости, или в кино, когда привозили новый фильм. А когда Володя уходил с командой Миши Пантелеева в тайгу, Лёлька сидела вечерами у замёрзшего окна с книгой и слушала, как уютно в печке трещат дрова.

- Лёль... а ты не хочешь разузнать, почему тогда Володю-то сняли? – осторожно спросила её Света, когда в отсутствие Володи заглянула к подруге в гости.

- А зачем? Снял и снял, мало ли что у них там произошло, - ответила Лёлька, - Если бы натворил что-то, то выгнали бы не церемонясь. А так... всякое бывает. Да и как это будет выглядеть, если я приду в штаб и начну там разбираться, вопросы задавать. Скажут, жена прибежала за мужа отношения выяснять! Нет, я так позориться не стану, и Володя этого не одобрит. Я думаю, что Володя сам в состоянии всё решить. Во всяком случае, мне бы не понравилось, если бы муж ко мне на работу с разборками являлся.

- Ну да, наверное, ты права, - покачала головой Света, - Выглядеть это будет не очень. Но всё же любопытно, что же там произошло. Может, у ребят поузнавать? Всё равно будут же рассказывать...

- Не хочу сплетни о муже собирать. Некрасиво это, и нечестно. Я спрошу у него напрямую, когда Морозов вернётся у них ведь обязательно состоится разговор. Вот тогда всё и узнаю, у самого Володи, а не все эти шептания по углам.

Может и ходили по посёлку какие-то слухи, но во всяком случае до Лёльки они не доходили. Только однажды, когда

Лёлька и Светлана вместе дежурили ночью в стационаре и устроились попить кофейку, зашёл случайный разговор.

- Мой Алексей еще не вернулся, - рассказывала Света подруге о своём женихе, - Только к лету приедет, их группу далеко забросили, вертолётом в два захода, с дозаправкой и ночёвкой. А вчера, когда ты на выходном была, Морозов приходил на приём, я как раз в приёмном сидела. Разговорились с ним, рассказал, что у Алёши всё хорошо, группа на связь выходит регулярно. Ой, я так рада, всё же весточка... А ещё про тебя говорили...

- Про меня? – удивилась Лёлька, - Так мы же с ним почти не знакомы.

- Ну, подружка, это ж тебе не Москва, тут все всех знают, - улыбнулась Света, - И что родители у тебя приезжали, и что вы поженились с Володиёв, всё уж ему доложили. Он ещё так удивился тому... что вы поженились так быстро.

- Почему же удивился, - Лёльке было как-то неприятно это слышать, - Вообще-то мы давно встречались, ещё в Москве... Да и вообще, сам-то он хоть женат, Морозов этот?! Тоже, про всех ему дело есть! Ничего не быстро мы поженились! Почему все только и намекают, что мы поженились по какой-то причине... я понимаю, некоторые подозревают, что я в положении, потому мы и расписались! Надеюсь, удивятся, что это не так!

- Да брось ты про это думать, мало ли про кого говорят. Да про всех что-то со скуки выдумывают, чем тут ещё зани-

маться! – махнула рукой Светлана, - Но вот Морозов как раз не такой человек, чтобы придумывать сплетни. Мужик он серьёзный, немало в жизни горя хлебнул. Он ведь не сразу в нашу глушь приехал, в Ленинграде жил. Мне про него Лёша рассказал... Морозов ещё в институте предложил какие-то новые методы геологоразведки, даже из Москвы специалисты приезжали к ним на кафедру. На последнем курсе женился, жена дочку родила, а когда девочке было два годика всего, жена как-то не уследила, и девочка из окна выпала... Представляешь, какое горе! После жена уехала к родителям, не смогли они видимо оба через это пройти. А Морозов сюда, в нашу глушь перебрался. Что и немудрено... в работу с головой! Так что зря он ничего не делает, всему есть причина. А сколотить команду в экспедицию, чтобы люди между собой сработались – это перед походом первое дело.

- Я думаю, это была случайность, что Володю сняли, - ответила Лёлька, - И скоро всё выяснится.

Да, слишком уж долго «висел» этот вопрос в воздухе, почему же сняли Володю с похода, какова тому причина. Лёлька понимала, что рано или поздно ей придётся спросить про это мужа, но Володя и сам это знал, как оказалось.

Как-то вечером, вернувшись из штаба, Володя принёс с колонки воды, повесил на крючок свою пропахшую лесом и дымом куртку и протянул к печке озябшие руки.

- Сегодня с Морозовым говорил, - сообщил он собирающей ужин жене, - Сказал, что я сюда работать приехал, как

все, а не в игрушки играть! И у меня теперь семья, дело серьёзное. Он согласился, что поспешил меня тогда с похода снять!

- Правда? – Лёлька очень обрадовалась такому известию, - А что сказал, почему снял-то?

- Сказал, что подумал, будто я ещё не готов... к такому длительному походу, и с бригадой мало знаком, - Володя не смотрел на жену, подкладывая в печь поленья и неодобрительно качал головой, как бы осуждая поступок начальства, - Говорит – не стал рисковать и дал мне время осмотреться получше в профессии. Наверное, думал, что я уеду отсюда после снятия. А я вот взял, да и остался! И докажу ему, что он во мне ошибался!

После этого разговора душа Лёлькина совершенно успокоилась. Мало ли, какие бывают случайности! И на Морозова она обиды не держала – считала, что тот был по-своему прав. Сколько он перевидал народу, кто сюда приезжает работать, и верно он рассудил, если есть сомнения – лучше не рисковать. И за Володю своего была горда, что не отступился, не бросил всё и не уехал, а решил доказать всем, и самому себе, что чего-то да стоит.

И даже порадовалась Лёлька, когда узнала, что в начале лета Володю отправляют в экспедицию. Южнее Ключевой, через Морозную, на гряды. Значит, уверен теперь в её Володе командир геологов, и всё у них будет хорошо. Хотя и томила душу грядущая разлука, а всё же голова понимала, что так

и должно быть.

И теперь с гордостью рассказывала Лёлька маме в шуршащую трубку такие новости про их жизнь, спокойно было на душе.

- Так что в отпуск я одна приеду к вам, - говорила Лёлька, - Володя как раз уедет в тайгу, мы это уже обсудили.

- Это хорошо, я рада что у вас всё налаживается. А что жильё, ничего не предвидится поудобнее, без печки? Я видела, там ведь есть двухэтажки, вот бы там вам хоть квартиру.

- Пока нет распределения квартир, Володя спрашивал. Сейчас и общежития то не всем хватает, новеньких, кто после учёбы распределился, селят во временный барак.

- Может быть, вам хоть поискать перевод, сюда, поближе, - с надеждой сказала мама, - Можно отца попросить, чтобы по знакомым узнал, может быть, через кого-то это можно сделать...

- Мам, ну что ты, ведь ты была здесь, всё тут хорошо. Может быть когда-то и переедем, а пока работаем! Ребята здесь хорошие, знаешь, сколько едут после окончания учёбы?! Здесь жизнь, совсем другая, не как в Москве! Здесь все знают, что большое дело для страны делают. Ты читала, недавно вот про нашу Ключевую даже в газете писали, в «Труде»! Что новое месторождение нефти открыли!

- Ладно, ладно, я просто внуков понянчить хочу, чтобы не за тридевять земель до них было.

- Мам, а папа дома? Я его спросить хочу...

- Нет ещё, с работы не вернулся, а что такое?

- Я хочу спросить, когда я в отпуск приеду, сможет ли он меня свозить к Володиным родителям, - вздохнув ответила Лёля, - Всё же это неправильно, что ни я их ни разу не видела, ни они меня. Какие бы ни были, это его родители.

- А сам Володя что говорит по этому поводу? Нехорошо, если ты это придумала сделать без его ведома.

- Он сказал: «Делай, что хочешь. Если так хочется – поезжай, посмотри!», и больше не стал это обсуждать. Я думаю, что нужно... Как-то это нехорошо будет, если я не приеду. Может быть помощь нужна какая-то.

- Ну, если так, то я думаю папа согласится тебя свозить. Только одну я тебя не отпущу, с тобой поеду. Всё же они мне сватья, тоже хочу познакомиться.

Жаркое лето пришло в Ключевую. Вообще, Лёлька не перестала удивляться тому, как резко здесь сменяются времена года. Володя давно убыл в экспедицию, сама она собирала вещи и уже договорилась с Григорием Векшиным, что тот отвезёт её на станцию. Впереди был долгожданный первый Лёлькин отпуск. И уже куплены сувениры и гостинцы для родителей, заботливо уложены в чемодан кедровые орешки и чай из таёжных трав – подарок Глафиры Трифоновны для Лёлькиной мамы.

И жизнь казалась такой лёгкой и радужной, а счастье – всеобъемлющим. И думалось Лёльке, что теперь так будет всегда...

Глава 11.

Незаметно летело время, вот уже больше года прошло с того самого момента, как Лёлька собиралась в свой первый отпуск. За это время она стала опытным сотрудником Ключевской больницы. Гладков, обычно скупой на похвалы, всё чаще отмечал её старание и самоотверженность, одобрительно поглядывая на неё поверх очков.

И уже привыкла Лёлька к размеренной, словно вода в тихой реке, жизни в Ключевой. Побывала в райцентре и знала теперь, что и где покупать, заказывать, и вообще, как обустроить свою жизнь. Лёлькины родители за это время тоже успокоились и перестали так волноваться за дочь, признав наконец, что она вполне готова жить самостоятельно.

Светлана вышла замуж за своего Алексея и к грядущей зиме молодая пара ждала пополнения, теперь подружки живо обсуждали «малышовое приданое» и прочие семейные заботы. Вот только Глафира Трифоновна Лёльку огорчала – простудилась сильно и пыталась убедить встревоженную Лёльку, заглянувшую проведать бабушку, что ничего страшного нет, вот заварит травок и липовый цвет, и всё пройдет.

- Нет, нет и нет! Я сейчас же вернусь на работу и запишу в журнал вызов, чтобы к вам пришла фельдшер! – строго сказала Лёлька, - Травки травками, но я и отсюда слышу, какие у вас хрипы, это нехорошо!

Лёлька думала, что умудрённая жизненным опытом Глафира Трифоновна по-доброму высмеет её, девчонку, и не станет слушать советов. Но баба Глаша этого не сделала, она зябко повела плечами, укутанными пуховой шалью и сказала, прокашлявшись:

- Что же, если считаешь, что нужен доктор, так тому и быть. Что же я, другим советы даю от помощи врачебной не отказываться, а сама талдычу – травки, травки.

После визита фельдшера Екатерины Фёдоровны Лёлька немного успокоилась, и хвалила бабу Глашу за благоразумие и дисциплинированность, с которой та решила исполнять назначения фельдшера.

- Ну, присядь уже, отдохни, Лёлечка, - позвала Глафира Фёдоровна свою гостью, - Спасибо тебе, что за докторшей сбегала, самой-то мне зябко на улицу выходить. Вроде бы еще не холодно, а ветер осенний, злой. Давай-ка вот, с медком чайку попьём, сейчас налажу.

- Вы посидите, я сама чайник поставлю, - Лёлька взялась за ковш, налить воды, и включила плитку, - Вам полежать нужно после укола.

- Да что же тебе, весь день со мной возиться, чай, муж, дом – свои заботы есть. Сестра у меня скоро вернётся, в райцентр поехала к сыну, с внучком помочь. Поможет, справит, что нужно, не переживай за меня.

- Ничего, всё успею. Володя всё равно еще три недели в тайге, так что и мне с вами не скучно, - улыбнулась Лёлька.

- Что же, как у тебя дела, расскажи.

- Да всё хорошо, работаю. Дома вот печку побелила, как вы научили. Думаю, ещё разрисовать узорами, чтобы поярче, повеселее была. И всё думаю, скорее бы зима, снег, у меня лыжи давно готовы, с прошлой зимы.

- Ты смотри, я тебе и в прошлую зиму говорила, не уходи далеко на лыжах-то, тут ведь тебе не Москва. До соседнего села-то почитай сколько вёрст? Все сорок будут, а то и пятьдесят. И зверь ходит, а то кто и похуже зверя может встретиться...

- Это кто же, похуже зверя?

- А то не знаешь, что в сибирской-то тайге... тюрьмы да остроги всю жизнь тут были, да и сейчас никуда не делись. Бывает, кого и не досчитываются, да и ловят не сразу. Да и после того, как срок отбудут, куда им ехать, чаще здесь и остаются. Всё же места у нас глухие, вот и говорю – не ходи одна в тайгу, вокруг посёлка катайся на лыжах своих.

- Спасибо, Глафира Трифоновна, - с нежностью ответила Лёлька, ей была приятна искренняя забота, но на самом деле она подумала, что давно уже прошли те времена – острогов и страшных каторжников, канули в лету, остались строчками в исторических книгах.

- Что, как жизнь семейная, всё ли хорошо? Научилась рыбник печь?

- Да, научилась, спасибо за подсказку, - рассмеялась Лёлька, вспомнив не совсем удавшийся однажды эксперимент с

выпечкой в настоящей печи, - Да и в остальном всё хорошо.

Ничего не ответила Глафира Трифоновна, чуть кивнула и подлила кипятка в свою чашку. Наверное, не получалось у Лёльки скрыть потаённую грусть в глазах, но говорить сейчас об этом ей не хотелось. Уютно трещали дрова в печи, душистый чай с лесными травами согревал и успокаивал душу.

Лёлька убедилась, что бабушке Глаше лучше, жар спал и дыхание стало легче, и засобиралась домой. Попрощавшись и пообещав, что завтра после работы она снова заглянет проведать свою пациентку, Лёлька отправилась домой.

То ли осенние пейзажи, уже немного унылые и сероватые, навеяли грусть-тоску, то ли на то были у неё свои причины, а только загрустила наша Лёлька. Смотрела на низко бегущие облака, которые казалось вот-вот зацепятся за верхушки елей за речкой, на мутное солнце, проглядывающее сквозь эти седые облака. И хотя могучий, величественный лес еще стоял в золотом осеннем наряде, который подчёркивала тёмная хвоя елей, это великолепие не радовало Лёльку. Да, всё верно заметила Глафира Трифоновна, только ничего об этом не сказала... грустно было у Лёльки на душе.

Она думала о том, что в последнее время Володя... очень отдалился. Он просился в каждую экспедицию, рвался поучаствовать во всём, даже если только вернулся и ещё не успел толком отдохнуть. И Лёлька бы поняла мужа, и могла бы оправдать всё это его увлечённостью своим делом... но даже в те редкие дни, когда Володя был дома, он всё равно

будто был где-то далеко, не с ней.

Их совместные вечера, и без того такие редкие, теперь проходили так, словно каждый из них был... один, сам по себе. Володя почти не слушал того, что рассказывала ему жена, рассеяннo кивая и отвечая невпопад. Он ел всё, что приготовила жена, но мало обращал внимания на то, что находится в его тарелке, а потом раскладывал на столе какие-то карты и записи, включал настольную лампу и сидел до глубокой ночи, пока усталая на работе Лёлька не засыпала. Иногда, очень редко, он словно просыпался от своих мыслей, и тогда они шли в гости к Мише Пантелееву или к кому-то из друзей, иногда отправлялись на новый фильм или концерт по случаю какого-нибудь праздника.

Лёлька пыталась поговорить с мужем, беспокоясь о нём, но это ни к чему не привело. Володя только раздражённо махал на неё рукой и сердито отвечал, что если она не перестанет придумывать себе проблемы на ровном месте, то ничего хорошего у них не получится!

- Хватит! Если у тебя плохое настроение, то я тут ни при чём! – резко отвечал он жене, - Что, ну что я должен ещё сделать, скажи? Сплясать тебе? Ты знала, куда ехала, и это тебе не Москва! Развлечений тут нет, и если ты для этого решила пилить меня, то имей ввиду – моё терпение может лопнуть! Ты видишь – я занят! Изучаю карту, хочу предложить кое-что начальству! Займи себя чем-то, хоть вязать начни что ли, вместо того чтобы испытывать на прочность моё терпение!

- Володя, при чём здесь развлечения, - тихо, чтобы не сорвать мужа, отвечала Лёлька, - Я хочу сказать, что мы с тобой так редко бываем вместе. И ты себя совсем не бережёшь, своё здоровье. Ты только вернулся, неделя всего прошла, и снова собираешься в поход. Тебе нужен отдых, чтобы организм восстановился. Вот Лёша у Светы не уходит так часто, и так надолго. Зачем ты себя выматываешь?

- А ты у нас умнее всех, да? Ты же у нас доктор! Знаешь, что и кому лучше! – Володино лицо стало злым, губы сжались в тонкую нить, - Вот и выходила бы замуж за Лёшу, в чём проблема!

Лёлька обомлела и не нашла, что ответить. Володя же сгрёб со стола свои карты и сердито глянув на жену, удалился в кухню. Погремев там посудой, он с грохотом подвинул стул и снова зашуршал своими картами, записывая что-то в блокнот.

И вот сейчас, когда шла Лёлька домой по усыпанной золотыми листьями тропинке, она вдруг впервые подумала... неужели теперь всегда будет так? Неужели вся их семейная жизнь будет теперь такой – молча поужинали, думая каждый про своё, и так же молча занялись своими делами. А что же дальше? Неужели дальше ничего, кроме этого, больше не будет?

Она думала было пойти в штаб геологов и расспросить Морозова, неужели нет какого-то обязательного времени отдыха для вернувшихся из экспедиций. Но узнала от Свет-

ланы, что Морозова вызвали в Москву, а потом отправили на какой-то серьёзный объект и вернётся он в Ключевую не раньше, чем через полгода. А в штабе теперь управляется его заместитель, присланный откуда-то из другого региона. Егор Сергеев, уса́тый пожилой мужчина с суровым, обветренным и испещрённым глубокими морщинами лицом не располагал к беседам с женщинами на такие вот щепетильные и личные темы. Представив, как рассердится Володя, если узнает о том, что жена говорила с его начальством без его ведома, Лёлька отказалась от своего замысла.

И со скрытой завистью смотрела, когда бывала в гостях у подруги, как Алексей, муж Светланы, спешит поскорее домой, прихватив для жены что-нибудь вкусненькое или просто приятное. Например, букет из ярких осенних листьев и ягод рябины...

- Ну а вы что же, не хотите пока прибавления? – осторожно спрашивала Света у подруги.

- Я бы хотела малыша, конечно, - с улыбкой отвечала Лёлька, - Ну, как получится, так и будет. Расскажи лучше, вы имена уже придумали? Мальчика или девочку, надо быть готовыми в обоих случаях!

Жизнь шла своим чередом, и Лёлька старалась не унывать от постоянного отсутствия мужа дома, и от накатившей вдруг усталости, видимо ощущалась осенняя хандра и ночные дежурства давались ей с трудом. Возвращаясь домой, она устало валилась с ног и тут же засыпала, уже не скрывая

от себя того, что она даже рада сейчас отсутствию мужа - хотя бы не нужно было готовить ужин. И ещё она радовалась, что скоро ей не придётся больше носить воду с колонки — Гладков объявил, что несколько квартир в новой двухэтажке будет отдано работникам больницы, и семья Кержановых получит одну из них.

Но Лёлька всё же была сведуща в медицине... и потому совсем скоро у неё появилось и объяснение такому её состоянию. Она была в положении, и теперь с нетерпением ждала мужа, чтобы сообщить ему две радостные новости.

Глава 12.

Володя вернулся и с удивлением застал жену дома. По его расчётам она должна была быть сегодня на дежурстве, его же поход в этот раз был коротким, о чём он сейчас тайно пожалел.

- Привет, - буркнул он, бросив у двери рюкзак и снимая пропахшую дымом куртку, - Ты чего дома? Я думал, у тебя сегодня дежурство.

- Привет. Я взяла отпуск на неделю, нужно было в район-центр поехать по делам, - улыбнулась Лёлька, стараясь не обращать внимание на хмурое лицо мужа.

Ничего, он устал с дороги, сейчас вот умоется и пообеда-ет, а когда узнает хорошие новости, то всё его плохое на-строение улетучится, думала Лёлька, наливая борщ в люби-мую Володину тарелку. Оставалось решить, какую из ново-стей она сообщит первой.

- Я думал, ты отпуск для поездки к родителям в Москву бережёшь, разбивать не хочешь, - втягивая носом аромат на-варистого борща сказал Володя.

- Ничего, хватит и к ним съездить. Через пару месяцев как раз у меня по графику, надеюсь, и ты со мной выберешься, - ответила Лёлька, усаживаясь напротив мужа, - Думаю, и к твоим нужно будет заехать, обрадовать их новостями...

- К моим?! – Володя сердито фыркнул и взялся за ложку,

- Тебе что, одного раза не хватило? Не дури! И вообще, дай спокойно поесть!

Лёлька не стала продолжать разговор, отложив его на потом. Да, её прошлая и единственная поездка к родителям мужа запомнилась ей надолго. И потом, когда она рассказала о ней мужу, скрыв некоторые нелицеприятные подробности, Лёлька поняла, что муж был прав – никто там не ждал ни её, новоиспечённую сноху, ни даже самого Володю.

Лёлька отлично помнила тот день, когда они с отцом погрузились в его «Москвич», уложив подарки и гостинцы в багажник, и как их провожала чуть приболевшая мама, по этой причине остающаяся дома. Помнила, как искали они дом в небольшом посёлке, километрах в восьми южнее Малоярославца, и как искали потом по улицам нужный им дом. И как нашли....

В самом конце улицы стояла полуразвалившаяся от времени хибара, которую и домом-то назвать было трудно. Дырявый покосившийся забор не скрывал того бардака, который царил во дворе. Худая и облезлая собака злобно кидалась на приезжих, опасаясь меж тем выбежать со двора. На её неистовый лай покосившаяся дверь дома со скрипом отворилась, показалось бледно-сизое, одутловатое лицо пожилой женщины.

- Чего надо? – хрипло гаркнула она, - Проваливайте!
- Здравствуйте, это дом Кержановых? – спросил Георгий Николаевич, видя растерянность дочери.

- Ну и чего? Вам-то что за дело? – женщина запахла на груди грязный халат и подошла к калитке, пнув по пути собаку.

- Я... Я жена вашего сына, Володи. А это мой папа, Георгий Николаевич. Мы... познакомиться... поприветствовать вас..., - Лёлька не знала, что ещё сказать, видя поджатые сердито губы женщины и её хмурое лицо.

- Эй, мать! Кто там? – раздался из дома хриплый мужской голос, - Я с дежурства, поспать дадите нет?!

- Вовкина жена с папашей в гости пожаловали, - с издёвкой крикнула в ответ женщина, - Доставай, отец, угощение!

Лёлька вздрогнула всем телом от нецензурной отборной брани, раздавшейся в ответ. Женщина хрипло расхохоталась, уперев руки в бока, а потом вдруг резко оборвав смех, спросила:

- Денег привезли? Родственнички!

Георгий Николаевич молча усадил обомлевшую дочку в машину, что-то негромко сказал женщине, от чего та шарахнулась внутрь своего двора. Обратную дорогу оба молчали, не в силах проронить ни слова и как-то обсудить увиденное.

Но сейчас... Лёлька думала, что новость о прибавлении, о будущем внуке или внучке не может не порадовать людей... даже таких, как родители Володи. Ей казалось, что по-другому просто не бывает. Но говорить мужу пока ничего не стала, сначала ему самому надо об этом сообщить, ведь она даже своим родителям ещё ничего не сказала, ждала Володю...

- Ты знаешь, а у меня для тебя новости есть, - сказала она, разливая в чашки чай и доставая с полки вазочку с вареньем.

- Что такое? – устало поморщился Володя, - Устал я, поспать бы... Обратного тяжело добираться, по реке. Холодно, сыро, ноги промокли все. Чего там у тебя, говори, да я спать пойду.

- Нам квартиру скоро дадут, в двухэтажке. Гладков сказал, - Лёлька почему-то решила начать не с главной новости.

- Да ты что? – глаза мужа радостно блеснули, - Вот это и правда хорошая новость! Конец этому тасканию воды с колонки, и мучению с дровами! А когда? Ордера уже давали?

- Нет ещё, сказали, что к новому году ключи точно раздают, - Лёлька и сама улыбалась, глядя на радость мужа.

- Ну, значит будем праздновать и новый год, и новоселье! Надо с Сергеевым поговорить, чтобы не ставил меня на это время никуда, переберёмся, обустроимся. Да и отдохну немного. Что-то в этот раз мне тяжело далось всё... усталость постоянная, да и простыл что ли.

- Я тебе говорила, побереги здоровье, - Лёлька достала мёд, - Нельзя так, постоянно в лесу пропадать! Завтра куплю тебе витамины в медпункте...

- О! Уже лечить меня принялась, - усмехнулся Володя, - Я же сказал – не сейчас, а когда квартиру выделяют! Чего мне сейчас-то дома делать? С тобой у печки сидеть? Я уже написал заявление, что пойду с Пантелеевым за Корявую сопку на три недели.

- У меня ещё есть для тебя известие, – собралась с духом Лёлька, - Я в положении!

- Что? – муж замер с ложкой в руке, тонкая струйка мёда стекала прямо на стол, покрытый клеёнкой, - Что ты сказала?

- У нас будет ребёнок, я в положении, - повторила Лёлька, - Уже анализы сдала. Ты... ты что же, не рад?

- Я-то? – Володя сильно побледнел и было замолчал, но быстро спохватился, - Рад конечно... а это... это точно, ты уверена?

- Ну конечно уверена, - кивнула Лёлька и встревоженно смотрела на мужа.

Что-то обеспокоило её, что-то было в глазах Володи, в его лице, что так разнилось со словами, которые слетали с его губ. Взгляд его, такой радостный после известия о квартире, вдруг потух и превратился в какой-то обеспокоенный... словно смотрел не на Лёльку, а куда-то сквозь неё. Лицо его будто осунулось даже, стало таким усталым и... несчастным.

- Что с тобой? – спросила Лёлька, сама холодея душой в ожидании ответа.

- Ничего. Говорю же, устал я! Я же не в кабинете сижу, в белом халате, у меня другая работа, - голос мужа прозвучал неожиданно резко.

Лёлька вдруг почувствовала, как на глаза навернулись слёзы, сдержать которые она была не в состоянии. Сама себе удивляясь, она не разжимала трясущихся губ, боясь зарыдать в голос, ведь она никогда не была склонна к такому

неожиданному проявлению своего настроения.

- Ты что, реветь что ли придумала?! – Володя удивлённо взглянул на жену, встал из-за стола и как-то неуклюже обнял её за вздрагивающие плечи, - Ну-ка, прекращай это мокрое дело! Ну, что я такого тебе сказал? Не скачу до потолка от радости, так это не значит, что я не рад! Такой я человек, так приучили! Да я может ещё больше всех рад, что будет на земле ещё один Кержанов! Всё, прекращай!

- Правда? – прошептала Лёлька, подняв к мужу лицо, по щекам её стекали крупные слёзы, - Володь... я устала без тебя, я скучаю... Ну хоть на недельку, останься, прошу тебя. Побудем вместе...

- Ладно, не реви! – подумав с минуту, ответил муж, - Сейчас уже не смогу отменить, с Пантелеевым схожу, а вот потом точно дома с тобой буду, обещаю. Может к тому времени как раз и ключи выдадут, обустроимся. А ты уже писала заявление, что нас трое скоро будет? Чтобы площадь больше выделили, с этим расчётом...

- Нет, не подумала как-то, - растерянно ответила Лёлька, - Завтра схожу, напишу.

- Ну вот вместо того, чтобы бабьи слёзы лить, задумалась бы о будущем, - назидательным тоном сказал Володя, поставил на стол свою пустую чашку и отправился в комнату.

Лёлька принялась убирать со стола, обдумывая слова мужа. Она и вправду не думала ни о чём таком, практичном. А между тем Володя прав, совсем скоро их жизнь изменится,

и ей стоит об этом задуматься и не раскисать, как барышня.

Она засыпала, глядя сквозь ресницы, как муж снова сидит за столом над своими картами и какими-то записками. Зелёная лампа освещала его осунувшееся лицо. Лёлька уже почти провалилась в сон, как вдруг что-то словно толкнуло её в бок. Она приоткрыла глаза и увидела, что Володя так и сидит за столом, только теперь он пристально смотрит на неё, а не на свои записи и карты... И от этого взгляда, который в ночной темноте и свете зелёного абажура казался каким-то страшным, по спине Лёльку пробрали мурашки. Она крепко зажмурилась и сказала себе, что зря она не верила во всякие рассказы, как меняет настроение женщины беременность! На это она и списала свою мнительность и плаксивость, отвернувшись к стене и постаралась заснуть.

Глава 13.

До отъезда в поход с Мишей Пантелеевым Володя окружил жену заботой. Дела по дому взял на себя, даже ужин несколько раз готовил сам. Ходил в магазин за покупками, встречал Лёльку после работы, чем радовал жену неимоверно.

- Давай немного прогуляемся, - сказала Лёлька, когда снова увидела мужа у крылечка больницы, - Погода сегодня хорошая, подморозило. Наверное, скоро ляжет снег...

- Нет, мы смотрели прогнозы сегодня в штабе, пока снега не будет, так, заморозки. Как раз успеем за Кривую сопку на разведку сходить.

- Может быть завтра пойдём на почту, позвоним родителям? – предложила Лёлька, - Обрадуем их новостями... и про квартиру, и про малыша.

- Лёль, давай с этими объявлениями повременим, - сказал вдруг Володя.

- Почему же? Мама с папой так обрадуются, - удивилась Лёлька.

- Ну... я тут подумал, к новому году у тебя будет еще небольшой срок, возьмем отпуска и махнем в столицу! Тогда и объявим, а не по телефону. Ты права, заработался я что-то, всё где-то пропадаю! Да и в магазинах столичных ассортимент получше, уж не как у нас здесь.

Лёлька радовалась такой перемене и тут же согласилась с мужем, что поездка к родителям в Москву, да ещё с такими известиями – это прекрасно!

- Давай пройдем по той улице, мне нужно Глафиру Трифоновну провести, - потянула она мужа за рукав, - Она недавно сильно переболела, хочу проверить, как она. Да и с тобой познакомится, она каждый раз о тебе спрашивается!

- Ещё чего! – Володя вдруг резко дернул рукой, - Ещё по бабкам я не ходил! Тем более, по таким, как эта твоя Глафира! Мало того, что ты к ней таскаешься без всякой надобности, так ещё и меня тащишь! Надо вообще написать на неё куда следует, поверь мне, так и будет, кто-то да напишет! Вот тогда и будут разбирательства, чем она тут таким занимается! Всем тогда не поздоровится, кто к ней шастал! Так вот что, жена моя дорогая, я тебе запрещаю к ней ходить, поняла? Тем более в таком положении. Нечего там делать!

- Почему? Что ты такое говоришь, куда написать, и главное – что? Глафира Трифоновна обычная бабушка, ничего противозаконного не делает!

- Ты у меня иной раз будто с Луны упала! – резко рявкнул Володя, - Ты и половины не знаешь, что про неё местные знают! Это ты дома с книжечкой сидишь, а я с ребятами общаюсь, когда кругом лес... так что знаю побольше тебя.

- Знаешь, так расскажи, а не тычь меня носом, словно я дитё неразумное! – резко оборвала мужа сердитая Лёлька, чем его очень удивила, - Сам собираешь какие-то сплетни,

а я к ней хожу и вижу всё сама! И больше, чем всяким рассказням, я верю своим глазам!

- Я ничего не желаю слушать! – Володя повысил голос и крепко стиснул руку Лёльки, - Я тебе запрещаю к ней ходить, и всё! Я не желаю потом объясняться за свою глупенькую жёнушку и её наивность! Поняла меня? Только попробуй, послушайся! Ты что, не понимаешь своей бестолковой головой, что такие вещи могут повредить не только тебе, но и мне тоже! Вообще, ты хоть знаешь, что муж этой Глафиры когда-то срок отсидел, за то, что золотишко где-то припрятал, люди-то тут всё помнят! Вот, не знаешь, так слушай тогда, что тебе говорят!

Внутри у Лёльки всё тряслось от злости, но она постаралась успокоиться. Ей очень хотелось сейчас тоже закричать, вырвать из рук мужа свою ладонь... но она понимала, что ни к чему хорошему это не приведёт. Поэтому глубоко дышала, стараясь успокоить часто бьющееся сердце, а потом спокойно, чётко и негромко сказала Володе:

- Ну и что с того? Что с того, что было когда-то с мужем Глафиры Трифоновны? Это вообще было-то может при царе Горохе, да и было ли вообще! Тут про любого местного спроси – про каждого раскопаешь «страшную историю»! Кто браконьер, кто ещё чего. Да и вообще, даже если всё это правда, про мужа... Как Глафира Трифоновна за него должна отвечать? У тебя вот тоже родители... однако ты себя таким же не считаешь, и не живёшь, как они!

Володина рука взметнулась вверх, Лёлька испуганно прикрылась, коротко вскрикнув и ожидая удара. Но муж сделал шаг назад, опустил руку и с побелевшим от злости лицом смотрел на сжавшуюся в комочек жену.

- Я сказал – и ты мои слова слышала! – стальным голосом сказал Володя, - Если ты готова променять меня на эту старуху – тогда пойдём домой, я помогу тебе собрать вещи и переехать к этой старой ведьме! У неё и живи! А нет – так выбирай, тебе семья дороже, или эта старая ящерица! Чем она тебя так опоила, что ты меня не слушаешь! Я тебе объяснил, чем чревата такая дружба! Ты совсем что ли дура, если не понимаешь!

Володя развернулся и зашагал к дому, оставив испуганную и растерянную Лёльку посреди улицы. Идти домой ей не хотелось, она никак не могла прийти в себя... так и виделась ей занесённая для удара рука мужа. Решив, что ей самой нужно немного остыть и прийти в себя, Лёлька отправилась к краю посёлка. Туда, где под пригорком текла быстрая Суя, перекаtywаясь в этом месте через каменные глыбы.

Лёлька никак не могла осознать, что это всё произошло на самом деле... раньше о таком, чтобы мужчина мог ударить женщину, она только в книжках читала, и всегда думала, что это всё придумано писателями для красного словца... И уж никак не ожидала, что это вообще когда-то может случиться с ней. Да, не ударил, да, смог сдержаться, но сможет ли в другой раз? Лёлька вспомнила лицо Володиной мате-

ри, которое она видела только единожды, но запомнила на всю жизнь. Большой, уже позеленевший синяк украшал тогда скулу женщины в старом застиранном халате... Значит, вот в такой семье вырос её муж, с детства глядя на драки родителей. Наверное, для него это было делом обычным...

Уже порядком стемнело, осенние ранние сумерки рассыпались по Ключевой, к ночи упал на землю заморозок, сковав дорожную грязь, когда Лёлька вернулась домой. Скинув сапожки, она сняла варежки и прислонила ладони к тёплой печи.

Володя вышел из комнаты и чуть сузив глаза, посмотрел на жену:

- Где ты была? Всё-таки ходила к этой старухе?!

- Гуляла! Воздухом дышала! – резко отозвалась Лёлька, - Нет, в этот раз не ходила к Глафире Трифоновне. Ну а ты, заруби себе на носу! Я не твоя мать, понял? Терпеть не стану, и если ещё раз только заподозрю, что ты хочешь меня ударить – пеняй на себя! Говоришь, написать на бабу Глашу нужно, куда следует? Так вот, смотри лучше, как бы на тебя самого не написали, что ты дома-то не такой добряк, как на работе у себя! Писать я тоже умею!

- Лёль, ты что, - Володя был ошарашен, он с изумлением смотрел на злую Лёльку, явно не ожидая такого отпора, - Я же... прости меня, я чуть было не сорвался! Но ведь не сорвался же!

- И ещё! Я – медик! И к разным пациентам хожу, в том

числе и к Глафире Трифоновне, а станешь запрещать – так и скажу Гладкову, пусть сначала у тебя разрешение спрашивает, прежде чем меня на вызов посылать!

- Ну я же не говорю... если по работе, - бубнил себе под нос Володя, - Я же говорю, чего туда без дела-то таскаться, чего люди подумают. Ну, прости меня, это всё от усталости. Я ничего такого не хотел...

- Ты один у нас устаёшь! – снимая пальто ответила устало Лёлька, - Может быть тебе тогда и в самом деле одному пожить, если я так тебя утомляю? Я могу снова в общежитие пока попроситься, до того времени, пока мне от больницы квартиру не дадут, а ты тут останешься, будешь отдыхать.

- Лёль, не горячись, подумай про ребёнка. Ему вредно, когда ты нервничаешь. Я же попросил прощения, и вообще – ты и сама тоже в произошедшем виновата, не нужно было меня провоцировать.

- Я виновата? А может быть, это тебе стоит больше времени дома проводить, как многие здесь геологи, кто семейный? Ведь есть же возможность, даже Миша Пантелеев, хоть и холостой, а так часто не уходит, дома бывает! А ты всё по лесам скачешь, чем подальше от жены, тем лучше.

- Ну хватит, - примирительным тоном сказал Володя, - Зачем ты так долго гуляла, вон, щёки все красные. Простынешь, это вредно. Давай-ка будем ужинать, и забудем про эти глупости.

- Не хочу я ужинать, аппетит пропал, - ответила Лёлька и

пошла умываться.

Наверное, именно в тот вечер что-то в ней переменилось, как она думала потом, по прошествии времени. Что-то надломилось, дало маленькую трещину, которая со временем не могла не разрастись в огромную пропасть. Но тогда, в тот вечер, она и сама старалась убедить себя, что всё произошедшее не более чем случайность, недоразумение, и они с Володиёй скоро позабудут про эту неприятность.

- Иди ужинать, я уже всё накрыл, - Володя заглянул в комнату, - Хватит дуться, мало ли что в жизни бывает!

Лёлька отложила в сторону книгу, которую читала. Есть ей и в самом деле не хотелось, немножко даже тошнило, но она понимала, что с обеда прошло довольно много времени и поесть было нужно.

- Лёль, прости, - Володя ласково погладил Лёльку по руке и подал ей вилку, - Я вспылел, неправильно это. Но я ведь как лучше для нас хочу, и для нашей семьи. Ты добрая и отзывчивая. И я не хочу, чтобы кто-то пользовался твоей добротой, а ты сама можешь из-за этого пострадать. Поэтому я прошу тебя – хотя бы пореже ходи к этой знахарке, и не афишируй свою с ней дружбу. Почему ты в штыки принимаешь мои советы, я же стараюсь для нас!

Володя смотрел на Лёльку немного обиженно, щёки его чуть покраснели, и от этого ей стало даже немного стыдно за своё поведение. Может быть Володя в чём-то и прав... Ведь с ним вместе в поход ходят и местные, есть уже и немолодые

парни, а мужчины в годах, которые знают своих односельчан лучше, чем приезжая Лёлька. Всё же нужно прислушаться к мужу, подумала она, ведь он и правда старается для семьи.

Глава 14.

Снег покрыл мёрзлую землю, и стало всё как-то светлее и радостнее в Ключевой. Лёлька любовалась пушистыми большими хлопьями, спускавшимися с неба, она специально для этого вышла ненадолго в больничный сквер, чтобы подышать и насладиться волшебным зрелищем. Такую погоду, как сегодня, она всегда считала «новогодней», такое наведала настроение тихая снежная метель. Хотя, привыкнув уже к местному климату, она знала, что в любой момент это волшебство может исчезнуть. Налетит злой порывистый ветер, притащит за собою низкие серые тучи, разметает всё это великолепие, мерцающее на тусклом зимнем солнце серебряными переливами.

Всё наладилось в Лёлькиной жизни. Позабылась и та размолвка, случившаяся с мужем из-за Глафиры Трифоновны, и последовавший за ней разлад. Теперь Лёлька ждала отпуски и уже написала заявление, а в грядущие выходные, когда вернётся Володя, они поедут на станцию покупать билеты до Москвы. Мама и отец очень обрадовались известию, что дочка приедет в отпуск не одна, а с мужем.

- Лёлочка, это прекрасно, что вы с Володей вместе в отпуск, - говорила мама сидевшей в тесной переговорной кабинке дочери, - Всё же это не хорошо, когда с молодых лет порознь. Володя так много работает, вам нужно отпуск

непременно вместе проводить. Отец бабушкин дом под дачу приспособил окончательно, теперь мы туда на каждый выходные ездим, а летом там вообще раздолье. Ну, что у вас ещё нового?

Лёлька рассказала маме про квартиру, но главную новость всё же приберегла. Ей нравилась идея Володи сказать всё при встрече, когда они вместе приедут к родителям на новый год. Поэтому они обсуждали с мамой и грядущий переезд, и обустройство.

- Лёля, прости, я тоже всё слышала, - улыбнулась Лёльке оператор Женя, женщина чуть за тридцать, - Про квартиру! Поздравляю, отличная новость. И еще, хотела снова тебя поблагодарить, и маме своей спасибо от меня передай, вы мне очень помогли.

Лёлька и сама была рада, что ей удалось помочь Жениной дочке, которой назначили заграничный витаминный препарат, а добыть его здесь, в Ключевой, было сложно. Поэтому Лёлька и обратилась к своей маме, чтобы та поискала в столице, и Наталья Сергеевна таки нашла! Так Лёлька обрела ещё одного благодарного друга.

- Ну а когда переезд? – интересовалась Женя, - Я слышала, ордера и ключи уже начали выдавать.

- Нам пока ещё не объявляли, но я тоже слышала, что начали давать! Сама жду с нетерпением, мы на новый год к родителям поедem с Володей, хотелось бы до этого перебраться уже в новое жильё.

- А Володя своим тоже уже сообщил про новоселье, я случайно слышала.

- Кому? – удивилась Лёлька такой новости.

- Ну, я точно не знаю, - покраснела Женя, - Я всё же не подслушиваю чужие разговоры... просто случайно слышала, когда он переговоры заказывал, еще перед тем, как на Кривую уйти.

- А... ну да, конечно. Я и позабыла про это, - ответила Лёлька.

Для неё было неожиданной новостью то, что её муж вообще с кем-то говорил по телефону... Конечно, было неудобно признаться Жене, что она в полном недоумении по этому вопросу, поэтому Лёлька приняла непринуждённый вид и заговорила про другое. Но когда она вышла на улицу, где морозный вечер только ещё чуть синел, она остановилась в раздумьях.

Что за тайны и секреты? Володя ничего не говорил ей о том, что собирается кому-то звонить, да и кому он мог сообщать семейные новости? Судя по его отношениям с родителями, а главным образом – по их отношению к нему самому, это не могли быть они... Тогда кто же? Хотя... может быть он тайком от Лёли всё же общается как-то с матерью или отцом, но тогда почему скрывает. То, что Володя стыдится своей семьи, Лёлька поняла давно, но чтобы уж так...

Лёлька решила, что спросит об этом мужа, когда тот вернётся. Но... с другой стороны, ей не хотелось подводить Же-

ню. Что, если Володя рассердится на неё, а при его разговорах, когда он то и дело хочет куда-то на кого-то написать разнообразные жалобы... Женю было жаль.

Вздыхнув, Лёлька зашагала в сторону дома, но вдруг передумала. Пока мужа нет дома, она вполне может отправиться в гости к бабушке Глаше, выпить чаю с булочками и поболтать обо всём. Уж ей-то, Глафире Трифоновне, Лёлька готова была рассказать свой секрет, который в Ключевой пока что знали всего пара человек.

Дом бабушки Глаши неожиданно не светился окнами, как это обычно бывало, хотя двор был заботливо расчищен и сверкал идеальным порядком. На крылечке, чисто выметенном от налетевшего снега, одиноко горел фонарь, и только Лёлька взялась за ручку калитки, как дверь дома отворилась и в ней показалась худенькая щуплая фигурка Евдокии Трифоновны, сестры бабушки Глаши.

- Тётя Дуся, здравствуйте!

- А, Лёлочка, добрый вечер! – приложив руку ко лбу и закрываясь от света фонаря, Евдокия Трифоновна разглядела гостью у калитки, - А ты к Глаше? Так уехала она, две недели еще не будет, если не дольше.

- А что случилось? С ней всё хорошо? – обеспокоилась Лёлька.

- Да, слава Богу, всё хорошо. Брат у нас заболел, вот и поехала к нему. Далеко живёт, забрался. Старше нас с Глашей, жену схоронил, дети уехали, а он ни в какую не соглашается

поближе к нам перебраться. Вот Глаша и поехала, соседка телеграмму дала, дескать, слёг у нас Ваня... Я бы и сама поехала, да у меня забота своя – с внуком помогаю, сноха работает, сын тоже. Я и приезжаю в райцентр, помочь, когда сын уезжает на вахту. Ну вот, теперь и у меня забот прибавилось, за Глашиным хозяйством присматривать, а что поделаешь.

- Жаль, что я её не застала, - посетовала Лёлька, - А вам, тётъ Дуся, если помощь нужна, так вы мне скажите, я тоже буду приходить, что нужно тут делать.

- Спасибо, Лёлечка, да ничего, я пока и сама справляюсь, в этот год Глаша и хозяйства поубавила, куда нам столько.

Попрощавшись с Евдокией Трифоновной, Лёлька медленно пошла в сторону дома. Жаль, что не увиделась она с бабушкой Глашей до её отъезда, а теперь, когда придётся встретиться, неизвестно. До этого, несмотря на запрет мужа и все его доводы, Лёлька всё равно нет-нет, да и заглядывала в уютный дом в Почтовом переулке. А вот сама бабушка Глаша словно бы и чувствовала, что муж Лёльки такими визитами недоволен.

- Ты, Лёлечка, обо мне не беспокойся, нечего мужа сердить да ко мне, старухе, мотаться. Я ведь знаю, что про меня на селе болтают. В семье раздор сеять не надо, послушай меня, старую.

Лёлька хоть и уверяла Глафиру Трифоновну, что ничего такого она про неё не слышала, но глаза в сторону отводила, и от проницательной старушки это не могло укрыться.

Сейчас, когда безветренный, приятный морозный вечер так располагал к прогулке, Лёлька вспомнила, как она приходила раз провести бабушку Глашу, но вот войти к той не решилась....

Тот вечер был не таким приятным, погода вдруг словно взбесилась, неожиданно налетел ветер, потом заморосил то ли дождь, то ли уже снег. Лёлька тогда возвращалась с дежурства и решила по пути заглянуть к бабе Глаше, непогода неожиданно застала её на половине пути. До дома Глафиры Трифоновны оставалось меньше, чем до дома, и Лёлька решила не менять своего намерения, только зашагала скорее.

Она уже подходила к знакомому дому в Почтовом переулке, когда увидела, как в его калитку торопливо зашла какая-то женщина, опередив саму Лёльку всего шагов на двадцать. Лёлька чуть сбавила ход, не зная, как поступить. Силуэт женщины, спешащей во двор бабушки Глаши, был Лёльке незнаком, это точно была не Евдокия Трифоновна, часто гостившая у сестры... Теперь Лёлька и думала, стоит ли идти в гости, не хотелось оказаться нежданной гостьей, мало ли, какие дела были у той женщины, что спешила в дом.

- Ну, чего опять пришла? – услышала Лёлька недовольный голос бабы Глаши, когда та отворила дверь на стук незнакомой женщины и вышла на крыльцо, - Я же сказала, не буду я такое делать, что ты...

Незнакомая женщина что-то негромко говорила, слышно было, как она плачет навзрыд, тут Лёлька точно решила, что

разговор у хозяйки дома и её гости не предполагает лишних ушей, и повернула назад, пока в осенней непогожей темноте её не заметили.

Теперь же, вспоминая тот вечер, Лёлька жалела, что хотя бы не показалась тогда бабушке Глаше. А то получается, что после того их разговора, она будто послушалась мужа... и решила, что такая дружба ей ни к чему. Нехорошо как-то было на душе у Лёльки, хмурила она брови, вытирая с лица растаявшие снежинки. Ну, что сейчас сожалеть о сделанном, если так уж получилось... Лёлька грустно вздохнула, она уже скучала по бабе Глаше, по их неспешным разговорам, таким умиротворяющим. И Лёльке очень хотелось сообщить Глафире Трифоновне о том, что она в положении, но теперь вот сколько придётся ждать до встречи... Ничего не поделаешь!

Через несколько дней домой неожиданно вернулся Володя, хотя Лёлька ждала его возвращения только через неделю.

- Я спину потянул, - сообщил он жене, бросая в прихожей свой рюкзак, - И пока река не встала, отпросился у Пантелева домой, с лесничим нашим.

- Спину? – обеспокоилась Лёлька, - Давай, я скажу Екатерине Фёдоровне, примет тебя, это не шутки.

Володя согласно кивнул и болезненно морщась, стал снимать промокшую на реке куртку. Хотя причина возвращения была не радостная, но всё же Лёлька была счастлива, что муж вернулся. В последнее время ей вдруг стало как-то жутковато ночевать в доме одной... То казалось, что кто-то ходит

под окнами, то слышались какие-то постукивания и шорохи. Когда она рассказала про это вернувшемуся мужу, тот только рассмеялся, с ним вместе посмеялась и сама Лёлька, оба списали это на изменения в организме из-за беременности.

С возвращением мужа Лёлька снова была окружена заботой. Володе выдали больничный, но он упорно не хотел слушать Лёльку и лежать дома. Приносил ей на дежурство завёрнутый в полотенце ужин в миске и термос с горячим чаем, и Лёлька от такой заботы млела. Вот и в тот вечер Володя появился в опустевшей к вечеру больнице, с сумкой.

- Что за чай? Как будто на травах, вкус интересный. Садись со мной, пока никого нет, - она улыбалась пришедшему мужу, это было её последнее ночное дежурство, с этого дня её будут ставить только в день.

- Заварил то, что у тебя в буфете нашёл, - отмахнулся Володя, - В банке был чай какой-то, я и насыпал, заварил.

- А, ну это, наверное, бабушки Глаши сбор, смородина, мята, травы разные. Спасибо тебе. Не ходил бы ты, холодно на улице, а ты со спиной...

- Ничего, нормально я. А вот тебе с ребёнком нужнее, чтобы ты поела вовремя. Ладно, я домой. Завтра утром в штаб вызывают, так что не приду тебя встречать.

Попрощавшись с мужем, Лёлька села заполнять журналы, в больнице наступила тишина, нарушаемая только тиканьем большого будильника, стоявшего на сестринском посту.

Неожиданно Лёлька почувствовала, как всё внутри неё

вспыхнуло болью, она согнулась на стуле, всё поплыло перед глазами, она открыла рот, чтобы крикнуть, но так и не поняла, успела ли издать хоть звук, когда сознание покинуло её.

Глава 15.

Когда Лёлька открыла глаза и попыталась разлепить ссохшиеся губы, она не поняла, где вообще находится и что происходит. Перед её мутным взором была незнакомая больничная палата, на кровати у окна сидела женщина в больничном халате и раскачивалась из стороны в сторону, что-то беззвучно шепча.

Лёлька попыталась вспомнить, что же такое с ней произошло, но в памяти всплывали только какие-то обрывки. Обеспокоенные лица, среди которых она вроде бы видела лицо Гладкова, и потом другие, незнакомые... То ли было это наяву, то ли приснилось Лёльке, она не понимала. Повернув голову на бок, она увидела, что к руке её тянется прозрачная трубка от капельницы, страшно стало на душе... страшно, пусто и как-то тоскливо, потому что она начала понимать... но отказывалась верить.

Закрыв глаза, она попыталась облизать пересохшие губы, очень хотелось пить, горло так высохло, что даже позвать кого-то она не могла.

- Ну что, очнулась, красавица наша? – над Лёлькой склонилась незнакомая женщина, лицо её закрывала марлевая повязка, поверх которой сияли добрые, ласковые глаза.

- Дайте попить... пожалуйста... - прохрипела Лёлька, не узнав своего голоса.

- Сейчас доктор придёт, всё будет хорошо, - ответила женщина, проверила капельницу и торопливо ушла.

Пациентка, что сидела на кровати у окна, вдруг зарыдала, уткнувшись в подушку и тихонько подвывая. Лёлька беспокойно подняла голову, в ней заговорил медицинский работник – нужно как-то помочь, утешить, но от слабости она не могла даже двинуться.

- Ну, что вы, не плачьте! – она постаралась смягчить свой охрипший голос, - Всё будет хорошо, врачи у нас хорошие, вам обязательно помогут!

- Ты... ты что, не понимаешь? – женщина отняла от подушки заплаканное лицо с глубоко провалившимися глазами, окружёнными черными тенями, - Всё, нет больше моего малыша.... И твоего тоже нет! А у меня – больше и не будет уже никогда! Никогда! Понимаешь ты?! – женщина сорвалась на крик и снова уткнулась в подушку, её плечи судорожно затряслись.

В палату вошла тонкая и прямая как спица женщина в белом халате, шапочке и строгих очках в чёрной оправе.

- Ну, что тут у нас? Так, ясно! Людмила Геннадьевна, - позвала она, приоткрыв дверь в коридор, - Нам нужен укольчик.

- Ну всё, всё, моя хорошая! – Людмила Геннадьевна, та самая женщина в марлевой маске мгновенно появилась в палате и взяла за плечи плачущую пациентку, - Пойдём-ка со мной, сейчас всё пройдёт, всё будет хорошо.

- Ну, Леонила Георгиевна, а как ваше самочувствие? – женщина пристально посмотрела на Лёльку сквозь очки.

- Спасибо... пить хочется, - ответила Лёлька, обеспокоенно глядя на доктора, - А... что со мной случилось?

Женщина вздохнула, взяла стоявший у стены стул и присела рядом с Лёлькиной кроватью. Она так пристально смотрела на Лёльку, нахмутив при этом брови, что Лёльке стало как-то не по себе.

- Тебе повезло, что вовремя помощь подоспела. И организм молодой, сильный! Скажи мне, Лёлочка... Можно мне тебя так называть – Лёлочка? Ну вот, прекрасно. Скажи мне... ребёночек твой, желанный?

- Да! А... почему вы спрашиваете? – Лёлька во все глаза смотрела на доктора, - Что... что...

- Ну что ты, успокойся. Ты же сама медик, понимаешь, что я обязана была у тебя это спросить. Ничего, Лёлочка, ничего, всякое бывает, всякое случается! Ты ещё молоденькая, и будут у тебя ещё детки! Трое, а то и пятеро! Ты сильная, здоровая! Ну, мы с тобой потом ещё поговорим, а пока тебе нужно отдохнуть.

-Я..., - Лёлька не смогла больше ничего вымолвить, горло сжало, внутри всё полыхнуло и обожгло болью, она поняла, что случилось.

- Муж твой приезжал, сидел здесь долго, ждал, когда операция закончится. Всё хорошо, девонька, всё прошло хорошо. Доктор наш, Степан Кузьмич, руки у него золотые! А

сейчас... крепись, моя хорошая. Всё пройдёт, всё забудется, вся жизнь ещё впереди. Муж у тебя какой хороший, заботливый, сама ты умница, красавица!

Лёлька словно окаменела. Слушала и не слышала слова доктора, безучастно смотрела она, как пришла добрая Людмила Геннадьевна со шприцем под белой марлевой салфеточкой, и вскоре разлилось по телу Лёльки блаженное, тихое и тёплое. Она словно бы уснула, но не спала, она видела, как лежит на своей кровати её соседка по палате, как заострились черты её лица, как безучастно она смотрит в потолок, почти не моргая, только губы её беззвучно шевелятся. И вроде бы Людмила, а может ещё кто-то напоил Лёльку прохладной водой, смочил лоб. Но ей уже ничего не хотелось.

Да. Лёлька всё поняла. Поняла, что нет больше её ребёночка, но думалось об этом как-то... словно это всё было во сне или происходило не с ней.

Вскоре Лёльке разрешили вставать и понемногу ходить по палате. Она уже знала, что у неё открылось кровотечение, и что она потеряла много крови, но ей повезло, что случилось это не дома, а в Ключевской больнице, и ей вовремя смогли оказать помощь. А потом и экстренно перевезли в районную больницу, где над нею «колдовали» лучшие специалисты.

- Ну, как ты? – спросил Володя, когда его пустили к жене, нарядив в халат и белую шапочку.

- Ты на доктора похож. Тебе идёт, - сказала Лёлька мужу. Почему-то ей было неприятно сейчас смотреть на Воло-

дю, хотя тот участливо смотрел на неё и нежно поглаживал похудевшую, бледную руку жены. Лёлька почти не слушала, что говорит муж, погружаясь всё глубже куда-то в себя.

И даже обрадовалась, когда в палату заглянула Людмила Геннадьевна и позвала Володю на выход. Лёльке хотелось, чтобы все ушли. Чтобы никто не трогал её, ни о чём не спрашивал и даже на неё не смотрел. Она с трудом сдержалась, стерпела, пока заботливая Людмила расчёсывала ей волосы.

- Вот, муж у тебя молодец, - приговаривала Людмила, - Расчёску привёз, и пасту зубную, и щётку. Одежду твою, всё поглажено и сложено аккуратно. Иной ведь раз мужики такое притащат, что жёны тут ужасаются – где только дома такое откопали, в ящике с тряпками что ли. А твой – молодец, всё, что я ему сказала, записал и привёз. Повезло тебе, Лёлочка... Любит тебя муж! А детки у вас ещё будут, ты про это старайся не думать сейчас. Нужно организм восстановить, а в твои годы это недолго и времени займёт.

Надо было вставать. Надо крепиться, брать себя в руки, вставать и начинать жить дальше! Такой был у Лёльки характер, только она про него, наверное, и не знала раньше, до этого горя.

- Тебя как зовут? – спросила она соседку по палате, сидя у себя на кровати и собирая в хвост волосы, - Меня зовут Лёля, ну да ты, наверное, уже слышала.

- А я Тоня... Антонина.

- Слушай, Тоня, хочешь яблоко? Мне вот тут муж привёз,

угощайся.

- Нет, я ничего не хочу, - Тоня отвернулась к стене и натянула на себя одеяло, - Отстань от меня со своими яблоками.

- Ну, я вот на тумбочку тебе положу, может быть позже захочешь, - Лёлька всё понимала...

Если у самой Лёльки и в самом деле всё было не так плохо, и, можно сказать, всё было впереди, то у Антонины дела были хуже... намного хуже, и Лёлька это понимала.

Володя приезжал не часто, и Лёлька сама от себя не ожидала, что это её даже порадует. Теперь, когда ей разрешили ходить по больнице, они с мужем сидели на стульях в длинном коридоре и говорили о чём-то постороннем... словно не очень близкие друг другу люди. Только раз Володя попытался поговорить с женой о случившемся.

- Я с доктором говорил, он сказал всё нормально будет у тебя со здоровьем. Сказал, такое случается, немало случаев, - Володя не смотрел на жену, перебирая пальцами свой шарф, - Только вот пока про выписку ничего не сказал, когда тебя выпишут.

- Мне тоже не сказал. Утром был обход, сказал – как только убедится, что всё хорошо, тогда и выпишут.

- Я на две недели уеду. Дома одному чего делать... Ты, судя по всему, новый год в больнице встречать будешь, так я с Мишей напросился. Тебе если что-то нужно, скажи, я привезу.

- Да ничего не нужно, всё есть, - безучастно глядя в окно,

ответила Лёлька, ей хотелось, чтобы муж поскорее ушёл, и его отъезд не волновал больше.

Утром был обход, и она сама говорила с лечащим врачом Ириной Венедиктовной, и та ей сказала, что если всё будет хорошо, то Лёльку выпишут через десять дней. Как раз к новому году... Но услышав от мужа, что тот собирается в поход, Лёлька почему-то не стала ничего ему говорить про выписку. Ей хотелось побыть одной. Пусть едет в свой лес, а Лёлька будет одна встречать новый год... совсем одна...

Больше чем муж, Лёльку сейчас заботило то, что ей нужно как-то сообщить родителям... Всю правду она решила не говорить, зная, что отцу снова назначили лечение в кардиологии и лишние волнения ему были совершенно ни к чему. Тем более, что уже ничего не поправишь, что случилось, то случилось, и обратно ничего не повернёшь.

Выпросив у Людмилы Геннадьевны разрешение позвонить родителям, Лёлька долго собиралась с силами, чтобы голос её звучал бодро и весело.

- Мамуль, привет! Прости, долго не звонила, всё некогда было. Как у вас дела, как папа?

Ничего не укроется от материнского сердца... И несмотря на всю Лёлькину весёлость, Наталья Сергеевна прервала свой рассказ и спросила:

- Доченька, у вас всё хорошо?

- Мам... ты только не волнуйся, но у нас не получается в отпуск приехать. Володю направляют в поход, и мы решили

отложить отпуска, немного позже приедем, ближе к весне. Хочется вместе поехать, да и у нас сейчас много работы, у меня дежурства...

- Ой, я уж думала случилось что. Ну, бывает, ты не огорчайся так из-за отпуска, моя хорошая! Побереги там себя.

Лёлька сослалась на занятость и усталость, положила трубку и потёрла руками лицо... Не думала она, что когда-то ей придётся врать родителям и что-то от них скрывать! Да, в жизни всё не так однозначно, иногда хорошее и плохое как-то странно меняются местами...

Глава 16.

Вернулась домой Лёлька на больничной Ключевской «буханке», с несменным Григорием Векшиным за рулём. Мужчина с плохо скрываемой жалостью и сочувствием поглядывал на свою бледную пассажирку.

- Давай-кась, закутаю тебя потеплее, морозно нынче, - Григорий обернул Лёльку в огромный овчинный тулуп, - Аннушка дала дедов кожух, глянь как холодно, печка машину не прогревает в такой мороз. Ишь, как вскрепчал, небось все сорок, а то и больше будет. Вот, сейчас и поедем.

Утонувшая в тёплом кучерявом тулупе Лёлька спрятала в рукава подзябшие свои руки и уставилась в затянутое морозным узором стекло машины. Мимо плыл укутанный в снежные шали еловый лес, почему-то сейчас показавшийся Лёльке каким-то мрачным. Она вполуха слушала, как Григорий рассказывает ей про то, что скоро приедут дочки на каникулы, и что Аня затеяла небольшой ремонт, но приболела и не смогла сама поехать в райцентр, встретить Лёлю, а заодно купить кое-что для ремонта.

- Вот, список мне дала. Я всё купил, что написала! Всё нашёл! – с гордостью заявил Григорий, явно довольный своей находчивостью и предвкушавший похвалы.

- Аня обрадуется, - поддержала его Лёлька, - В нашем-то хозмаге не всё можно найти.

- Ты поди голодная? – спохватился Григорий, - Вон, в сумке доставай, Анюта пирожков тебе послала, с печёнкой, сказала – полезно... Знаю я, что за еда в больнице, сейчас дома-то быстро оправишься! Дома и стены помогают! Молоко там, в термосе, пей. Доктор сказала, что тебя нужно кормить хорошо, чтобы ты выздоравливала!

Так тепло стало Лёльке... и от тулупа, пахнущего овчиной и ёлками, от Аниных пирожков и заботливого взгляда Григория, что слёзы вдруг ручьём хлынули из глаз, она никак не могла прожевать откушенный кусочек пирожка, плакала и пыталась его проглотить.

- Дочка, ты чего? А? Ну, всё, всё! – Григорий остановил машину, взял холодную Лёлькину руку в свою широкую натруженную ладонь, горячую и жёсткую, - Вот придумала плакать... ну, может и хорошо... ты поплачь, авось и легче станет! А вот я тебе расскажу – я тебя понимаю... у нас ведь с Анютой тоже не двое деток-то... а трое было бы! Мальчишечко наш... месяца ещё не было, а вот ведь как – Бог и прибрал. А ничего, жизнь-то она такая! У тебя всё впереди ещё, утри-ка слёзы, дочка!

Лёлька послушно вытерла мокрые щёки и во все глаза смотрела на Григория. А она и не знала, что добрая и улыбчивая Анюта пережила в жизни такое страшное горе... Григорий потёр руки, снова завёл машину и они двинулись в путь.

- Ты давай ешь, вон какая бледная, - говорил мужчина, -

Домой только к вечеру попадём, смотри, как позёмка стелет, значит мороз отпустит, но совсем немного. Не озябла?

Лёлька помотала головой, наевшись, она напилась из термоса тёплого молока и её стало клонить в сон. Устроившись поудобнее, она потонула в тулупе, только макушка торчала, и не заметила, как заснула. Вроде бы что за сон в холодной «буханке»? Так скажет только тот, кто никогда не спал в больничной палате... где всегда какие-то шорохи в полутёмном коридоре, и приглушённые голоса где-то там, в недрах гулких больничных помещений...

В Ключевую прибыли вечером, звёзды только начали сыпаться в тёмной синеве над лесом, когда, скрипнув колодками, «буханка» остановилась возле Лёлькиного дома. Тёмные окна Лёльку даже обрадовали, значит, Володи и в самом деле не было дома, а то она опасалась, что муж откажется от похода и будет ждать её дома.

- Не топлено ведь, поедem к нам, - покачал головой Григорий, - Поспишь, а утром натошим и снег во дворе тебе уберу, не сама же станешь кидать!

- Спасибо вам за всё, дядь Гриша, - ответила Лёлька, - Да тут и снегу-то немного намело, ничего, я тропинку протопчу. И печка у нас быстро топится, хорошо. Ты уж не сердись, дядь Гриша, но так после больницы домой хочется!

- Ладно, что уж, сам понимаю, - Григорий вышел из машины, - Посиди пока, сейчас я...

Мужчина достал из машины небольшую фанерную лопа-

ту, в таком краю, где снег лежит бо́льшую часть года, вещь эта необходимая, и начал живо раскидывать снег. Лёлька и моргнуть не успела, как до крылечка пролегла ровная широкая дорожка.

- Ну вот, так-то получше, - сказал Григорий, достал из машины Лёлькину сумку, и поставил ей на крыльцо, - Ну что, к нам не надумала? Справишься сама-то, одна? Эх, надурь Володька твой придумал сейчас в поход уйти! Надо было с тобой дома оставаться.

- Да он не знал, что меня выпишут, - Лёлька сама не поняла, зачем она старается оправдать мужа, но уж как есть, - Думал, что меня только после нового года отпустят.

- Завтра заеду к тебе, Аня там тебе банок с заготовками с погреба достала. Ну, если что нужно – ты к нам сразу, поняла?

- Да, поняла! Спасибо! – Лёлька вдруг вспомнила, что так и стоит в дедовом тулупе, - Ой, тулуп-то чуть не забыла! Спасибо, дядь Гриша!

- Нет, завтра заберу! Дом нетопленный, пока печь нагреет, в нём сиди.

Григорий уехал, а Лёлька, необъятная в этом огромном тулупе, вошла в дом. Вторая половина дома, где было другое крыльцо, пока пустовала, ждали новую учительницу в местную школу и жильё берегли для неё, так что во всём доме Лёлька была одна. Как-то даже немного жутковато вдруг ей стало в этой гулкой тишине, но вскоре в печи затрещали дро-

ва, свет она включила и в кухне, и в комнате, и в маленькой прихожей. Стало уютнее, Лёлька проверила дверь, убедившись, что та заперта на засов, и стала разбирать сумку.

Говорят, дома и стены лечат. Только вот почему-то в Лёлькином случае это не работало. Первую ночь она провела почти без сна, не то, чтобы ей было страшно... просто гулкая пустота дома словно поселилась и в Лёлькиной душе – там тоже было пусто и тоскливо. Она села у печи, в ночнушке и валенках на босу ногу, подкладывала дрова и смотрела на огонь. За окном, украшенным морозными витыми узорами, лунная ночь заливала бело-голубым светом высокие сугробы.

Лёлька обошла комнату, почему-то казалось, что она не была дома так долго... На глаза попались аккуратно свёрнутые и сложенные в стопку Володины карты и толстый блокнот. Взяв одну, Лёлька развернула бумагу и включила зелёную настольную лампу, словно пытаясь в её свете разглядеть то, что видел там Володя. Линии, чёрточки и значки хранили от неё свои тайны, ни о чём не рассказывая и словно смеясь. Это даже посложнее латыни, подумала Лёлька и положила подбородок на руки рассматривая карту. Только и понятного там было, что названия – вот Суя, вот Морозная река и Кривая сопка, а вот Ключевая... и ещё какие-то треугольнички и карандашные отметки у подножия сопки... Лёлька не заметила, как задремала...

Вдруг она вздрогнула всем телом и даже подскочила на

стуле, ей показалось, что кто-то негромко стукнул в дверь. Она прислушалась, и кожа её пошла крупными мурашками – она услышала негромкий смех... детский. Выглянув в кухню, она убедилась, что там никого нет... Хотя, кто там мог быть, когда входная дверь закрыта на толстый железный засов, а за нею и вторая дверь, оббитая ватой и дерматином, тоже плотно закрыта.

Лёлька приникла лицом к окну в кухне, пытаясь разглядеть нет ли кого на крыльце – мало ли, чьи это глупые шутки! Но свет луны так ярко освещал всю округу, что видно было даже воткнутые в сугробы вешки из веток. Снег блестел и искрился до самого склона, в домах темнели окна, и никого не было видно в этом зимнем ночном безмолвии.

Лёлька помотала головой – что же это, неужели она сходит с ума? Нужно будет завтра показаться своим коллегам в больнице, пусть проверят! Холод забирался под лёгкую ночнушку, хоть и было в доме натоплено, и Лёлька забралась под одеяло, не потушив лампы... прижимая к себе одеяло, она слышала, как тикают часы на комод, как еле слышно скользят по стеклу поднятые позёмкой колючие снежинки. Сон сомкнул ей глаза...

Проснувшись Лёлька от того, что тело всё затекло, вдобавок она еще и вся замёрзла. Она так и сидела за столом в ночнушке и валенках на босу ногу, уронив голову на Володиной карту. Напротив неё горела лампа, за окном только занималось зимнее утро.

«Приснилось! – с облегчением подумала Лёлька, - А я-то уж было решила, что совсем ума лишилась! Надо к Свете сходить, пока бабы Глаши нет, хоть с ней посоветоваться, а то так в самом деле недолго и свихнуться!»

Вся трясаясь от утренней прохлады, она скинула валенки и юркнула под одеяло с головой, сжавшись в комочек и стараясь согреться. Торопиться было некуда, Ирина Венедиктовна предупредила её что на больничном Лёльке быть еще долго, только нужно будет ходить наблюдаться к своим ключевским коллегам. А раз в две недели в Ключевую приезжал доктор из района, иногда это и была сама Ирина Венедиктовна, и она взяла с Лёльки слово, что та обязательно покажется ей.

Утро еще совсем раннее, подумалось Лёльке, можно еще поспать, тело болело после неудобного сна за столом и теперь блаженствовало под тяжёлым ватным одеялом.

«Опять снится, - сквозь сон подумала Лёлька, когда снова услышала тихий детский смех, - Надо было не отказываться от успокоительного... Может всё же приехала та новая учительница, и у нас теперь соседи есть, а у них ребёнок! Хоть бы так и было, иначе мне прямой путь к психиатру...»

Она провалилась в сон, и проспала почти до обеда, ничто не беспокоило её – ни сновидения, ни мысли, ни беспокойные соседи по палате, как было в больнице.

Глава 17.

Сама Лёлька этого не понимала, но дома, в одиночестве, ей становилось всё хуже. Она сходила на приём в больницу, где коллеги её радостно встретили и тактично не задавали никаких вопросов. Больничный лист ей продлили, Гладков самолично принял пациентку, выписав на бумажке указание Тамаре из лаборатории взять у Леонилы Георгиевны анализы. А после пригласил побеседовать с глазу на глаз...

- Лёля, я думаю, вам сейчас нужно позаботиться не только о физическом своём здоровье, но и о... душе, так скажем. Скажите, как вы спите, нормально? Беспокойство или что-то другое, на что вам, как медику, не трудно обратить внимание?

- Я только выписалась, - после короткого раздумья ответила Лёлька, - Сами знаете, какой в палате сон, дома, конечно, лучше спится. Думаю, скоро всё наладится.

- Бумаги ваши передали из районной больницы, - постукивая карандашом по столу, задумчиво сказал доктор Гладков, - Вот, можете сами посмотреть...

Доктор подвинул к Лёльке бумаги, а сам встал и налил в два стакана чай и поставил их на стол. Он терпеливо ждал и украдкой поглядывал на хмурившуюся девушку. Лёлька изучила всё, что было написано и взглянула на Гладкова.

- Лёля... у вас в семье всё хорошо? Вы... вы сами, хотели

этого малыша? Вы же понимаете, почему возник такой вопрос. Конечно, всё не так однозначно, может быть, случившееся – всего лишь страшное стечение обстоятельств... Не будь вы медиком, да ещё и моей коллегой, я вряд ли показал бы вам это.

- Вы считаете, что...

- Не могу сказать достоверно, нужны более глубокие анализы. И нужны они были до того, как вы получили лечение и донорскую кровь. А сейчас... даже в районе нет возможности хранить образцы, так что – это всё, что имеем. Возможно, я повторяю – возможно, что какие-то препараты могли спровоцировать, но и вероятность естественных причин тоже очень велика. Вы поменяли климат, приехав сюда. Ваша жизнь изменилась, организм не мог не отреагировать. К тому же и бытовые условия не были для вас привычными – вода из колонки, дрова и прочее... Это всё требует физической силы и подготовки.

Лёлька молча смотрела в окно и думала о словах опытного доктора. Нет, она не могла поверить, чтобы Глафира Трифоновна дала ей какой-то сбор... но, с другой стороны, ведь она не знала о беременности Лёльки, та только собиралась про это сообщить. Может быть, в чайном сборе что-то такое было, не умышленно...

- Я думаю, вам нужно сейчас очень внимательно относиться к своему здоровью, - сказал Гладков, поняв, что Лёлке нужно подумать и потому ей хочется поскорее уйти, - На-

значения вам даны, осталось только восстановить душевное равновесие, и, если в этом вам нужна помощь, я могу направить вас в райцентр, туда из области раз в месяц приезжает мой давний товарищ. Он невролог, но психиатрия – его, так сказать, увлечение. И я считаю, что у него в психиатрии успехи ничуть не хуже, чем в основной практике.

- Спасибо большое, Иван Тимофеевич, но я думаю, что справлюсь. Всё же закончилось, осталась жива...

- Старайтесь хорошо питаться, гуляйте и получайте положительные эмоции, тогда, я уверен, скоро к нам вернётся наша весёлая и улыбчивая Лёля! И ещё... всё же будьте осторожны. Я слышал, что вы к местной нашей, так сказать, знахарке заглядываете. Надеюсь, вы как медик понимаете...

- Конечно понимаю, - устало вздохнула Лёлька, - Да и знаете, никакая Глафира Трифионовна не знахарка, сплетни всё... Обычная бабушка, немного одинокая. А травы... Так корень валерианы – тоже трава, можно сказать.

- Я рад, что вы всё это воспринимаете разумно, - Гладков довольно глянул на Лёлю, - Я считаю, что вам, Лёля, нужно учиться дальше. Из вас получится отличный доктор, какую бы специализацию вы не выбрали. Ну, ступайте, отдыхайте и набирайтесь сил. На приём придёте, как назначено. Если нужна помощь, обязательно сообщайте – коллектив у нас дружный и все за вас переживают, как за родню!

Вернувшись домой, усталая Лёлька легла на кровать и задумчиво смотрела в потолок, вспоминая то, что сказал ей

Гладков. Но больше её беспокоило то, о чём он промолчал.

Примерно через полчаса небольшой буфет в кухне, купленный с рук, когда они только переехали в дом, стоял с распахнутыми настежь дверцами и пустыми полками. Лёлька, чуть раскрасневшаяся, стояла напротив него уперев руки в бока и задумчиво разглядывала всё, что было добыто из буфета и стояло на столе.

И вот странное дело... Лёлька совершенно точно помнила, что перед тем, как она попала в больницу, в буфете стояло несколько банок, в которых она хранила подаренные Глафирой Трифоновной сборы. Вот в этой банке, с голубой капроновой крышкой, был, например, тот сбор, что Лёлька сама собирала, под присмотром бабушки Глаши. В нём была сушёная малина, брусничный лист, как его называла баба Глаша, лист лесной земляники и ягоды можжевельника.... А в маленькой пузатой баночке, которая Лёльке особенно нравилась, лежали сухие листочки мяты. Теперь же все банки были пусты. И не просто пусты, а начисто вымыты. Чистые, без единой пылинки крышки лежали рядом. Полки так же сияли чистотой, крупы, сахар и прочие запасы – всё было на своих местах.

Лёлька поняла, Володя выкинул всё, что она приносила от Глафиры Трифоновны, даже мёд, и тот ликвидировал. Банка из-под него до сих пор хранила аромат воска и луговых цветов. Может быть, доктор в районной больнице говорил и с Володиёй, и тот решил, что виной случившемуся – травя-

ные сборы Глафиры Трифоновны и потому выкинул всё, до единого листочка. А может... у него для этого была какая-то своя причина.

У Лёльки похолодело внутри... Страшно было подумать, что тот, ради которого ты готова на всё, с которым делишь жизнь, смог сотворить такое. Нет, нет, не может такого быть – кричало сердце, и Лёлька бессильно опустилась на стул. А голова сердцу почему-то не верила...

Прибравшись и отдохнув немного, Лёлька решила навестить Светлану, сейчас ей как никогда нужна была поддержка подруги. Выглянув в окно, Лёлька с удивлением обнаружила, что давно стемнело, стужа всё сильнее затягивала своими великолепными узорами оконные стёкла. Идти куда-либо расхотелось, да и печка ещё не протопилась, без присмотра не оставишь. Апатия охватила всё Лёлькино тело, пусто и горько стало на душе, и мысль о предательстве мужа не выходила у неё из головы. К Светлане она не пошла...

Домой Володя вернулся через несколько дней после того, как Лёльку выписали из больницы. Не ожидая застать жену дома, он даже немного замешкался, когда увидел, что из трубы их дома вьётся дымок. Лёлька сидела у окна и видела, как он остановился на узкой тропке, глядя вверх, на трубу. Помялся немного, поправил на плече рюкзак и зашагал к крыльцу. Она даже не шелохнулась, чтобы встретить мужа или вообще хоть как-то отреагировать на его появление дома.

- Привет! Я не знал, что тебя выписали! – Володя бросил на пол в прихожей свой рюкзак и посмотрел на жену, - Как ты себя чувствуешь?

А Лёльку было не узнать... Если бы сейчас её увидел кто-то из коллег, то ни за что не узнал бы в этой исхудавшей, осунувшейся девушке с беспокойными глазами, окружёнными синими тенями, прошлую смешливую Лёльку. Она сидела у окна и медленно водила пальцем по стеклу, растапливая морозные узоры слабым теплом своей руки.

- Лёля! Что с тобой! – Володя сам побледнел от страха, кинулся к жене и развернул её лицом к себе.

Её глаза, потемневшие и покрасневшие от бессонницы, смотрели то ли куда-то сквозь него, то ли внутрь себя, и выглядело это... до такой степени жутко, что Володя содрогнулся. Эта дрожь передалась Лёльке и она будто очнулась, судорожно вздохнув, прошептала:

- Тише! Ты... ты слышишь смех?

- Смех? Какой... смех? – всё внутри Володи похолодело, - Ты что говоришь?

- Нет? Не слышишь? Вот и я не слышу... странно! – Лёлька освободилась от объятий мужа и снова отвернулась к окну, положив голову на свои руки.

- Я... ты посиди, я сейчас! – Володя торопливо глянул на часы, натянул свою куртку прямо на тонкую рубашку и убежал из дома.

Спустя полчаса он снова появился на пороге, за ним пока-

зался силуэт доктора Гладкова с докторским чемоданчиком в руке и судя по его виду, доктор так же одевался второпях.

- Вот, доктор! С ней что-то не то!

- Конечно не то! – сердито блеснул глазами из-под запотевших с мороза очков доктор, - Когда такое случается, человеку нужна поддержка, участие и забота! А не гулёна-муж, пропадающий невесть где! Сам не можешь позаботиться о жене, так хоть бы к родителям её увёз! Что за мужик ты, если не можешь позаботиться о жене после... такого! Вот схожу-ка я сам, пожалуй, к твоему начальству и попрошу, чтобы никуда тебя не отправляли больше, пока я сам не решу, что Лёля в порядке!

- Доктор, но ведь я же не знал... я даже не знал, что её из больницы отпустили, она сама говорила, что еще не скоро выпишут! Я и решил, что заработаю ещё... а потом с ней дома буду, пока не поправится!

- Что-то я сомневаюсь в этом... да и вообще! Ладно, с тобой после разберусь! – доктор ополоснул руки под умывальником и внимательно посмотрел на Лёльку.

Вскоре Лёлька была уложена в кровать, заботливо укрыта одеялом, Гладков что-то негромко у неё спрашивал и убирал в свой чемоданчик шприц. Взгляд его пациентки совсем скоро снова стал осмысленным и... полным горя. Она увидела за плечом Гладкова испуганное лицо Володи и слёзы хлынули из её глаз на белоснежную подушку.

Глава 18.

Долго, больше часа провёл тогда доктор Гладков в доме Кержановых. Серьёзный, тихий и неприятный разговор состоялся у него с хмурым Володей. После укола Лёлька заснула, и доктор прислушивался к её ровному дыханию.

- Имей ввиду, - сердито глядя на Володю, говорил доктор, - Я завтра утром к вам приду, и в течении дня тоже загляну её проведать! И если снова увижу... что ты палец о палец не ударил, чтобы позаботиться о жене, пеняй на себя!

- Доктор, да что вы из меня злодея-то делаете! – сипел в ответ Володя, - Я люблю жену, и всё для неё сделаю! Я же сказал – так получилось! Но теперь я и сам вижу, что нельзя её оставлять! Между прочим, вы тоже хороши – почему её выписали раньше времени, видите ведь в каком она состоянии!

- В нормальном она была состоянии, потому её и выписали! Вот если бы ты о ней заботился, была бы в ещё лучшем! Смотри, Володя... если только я узнаю, что ты к случившемуся руку приложил – не спущу тебе такого! Наказание понесёшь по всей строгости!

- Да вы что! Что вы говорите, я что, по-вашему... как я мог такое сотворить! Что-то вот сейчас обо мне никто не думает, что я тоже... потерял... Думаете, мне легко?! А ведь мне ещё на работу приходится ходить, а я постоянно об этом

думаю... об этой потере! Мне что, не нужно ни участие, ни успокоительные лекарства?! Ну да, я же мужик, терпи, как хочешь, а теперь ещё и обвиняют меня во всём... что случилось!

- Ты не забывай, что здесь в Ключевой все и всё про всех знают! – Гладков пристально посмотрел на Володю, - Так что ты со мной в кошки-мышки не играй! Может ты... прошлое не забыл, а?

- Простое – в прошлом! – отрезал Володя, - И вы это сами знаете! Так что лучше вместо всех этих подозрений и нравочений расскажите, что мне делать, чтобы её вылечить! А заодно и мне хоть каких-то таблеток выпишите... сердце кровью обливается!

Гладков тяжело вздохнул, вырвал листок из своего блокнота и начал что-то писать, негромко проговаривая и давая задания Володе.

После того, как Гладков удостоверился в спокойном сне Лёли и ушёл, Володя тяжело опустился на табурет в кухне. Дома было прохладно, и он только теперь это заметил, раньше как-то не до этого было... Он потрогал белёный бок печи, совсем холодный. Видимо, Лёлька топила давно, уже успел дом выстыть. Володя почувствовал голод и вспомнил, что давно ничего не ел, в надежде, что по приезду домой что-то приготовит, а тут – такое... Он отыскал в холодных сенях кастрюлю, обычно женаставляла туда сваренный суп, чтобы не испортился, и обрадовался – сейчас поест и согреется,

потому что голодное тело, как известно, мёрзнет сильнее.

Но заглянув в кастрюлю он резко дёрнулся – в нос ударил кислый затхлый запах. Судя по всему, суп был сварен давно... очень давно сварен и позабыт в сениях. Чертыхнувшись и вспомнив сердитые слова Гладкова, что доктор всенепременно завтра же проверит, как он тут заботится о больной жене, Володя взялся хозяйничать. Вылив прокисший суп, он набрал в сениях сухих поленьев и принёс их к печи. Ничего, сейчас растопит печь, будет тепло, потом сварит гречку, уж в этом-то он давно поднаторел в походах, так что пусть выкусит этот доктор! Учить его ещё вздумал! В тайгу ходить – это не в тёпленьком кабинете сидеть, кто ещё поопытнее в жизни, как посмотреть!

Володя отворил чугунную дверцу печурки и обомлел – на холодных, давно прогоревших углях лежали мелкие, опалённые до черноты клочки бумаги, в которых он сразу же узнал свои карты... Судя по всему, Лёлька зачем-то порвала их и сожгла. Володе стало как-то жутковато, что, если Лёлька и в самом деле тронулась умом? Как оставаться в доме с сумасшедшей, что ей вообще на ум взбредёт? Всё, он завтра же поговорит с Гладковым, пусть определяют жену на лечение, кладут в больницу и лечат, а иначе он пожалуется куда повыше! Почему не принимают мер и ждут, что человеку станет ещё хуже! Ведь он, Володя, не доктор, и не знает, как нужно вести себя с человеком, который явно не в себе!

Растопив печь остатками своих карт, он подбросил в огонь

поленьев и осторожно заглянул в комнату. В доме стояла тишина, казавшаяся ему какой-то зловещей... Судя по ровному дыханию, жена спала, Володя прикрыл в комнату дверь и занялся готовкой.

И без того уставший с дороги, он сердито шоркал по кастрюле, отмывая её от прокисшего супа, и про себя думал... чего бы так с ума то и не сходить, на показ всему посёлку! Бедная- несчастная, да что же, можно подумать, она одна такая, кто ребёнка потерял, однако не все с ума от этого сходят! Это она нарочно, чтобы его, Володю, усовестить! А что, сама знала, что он геолог и работа у него такая, и что не будет он с ней дома в обнимочку сидеть, а вот теперь из-за её поведения все будут думать про него, какой он нехороший – не остался с женой её поддержать...

Кашу он не доварил, так недоваренную и пришлось есть. Оказывается, на старой плитке готовить сложнее, чем даже на походном костре, потому что плитка то грела, раскаляясь чуть не до красна, а когда он щёлкал старым, потрескавшимся регулятором, могла вовсе перестать греть. Но есть хотелось жутко, аж живот подвело, поэтому Володя молча пережёвывал недоваренную и чуть подгоревшую снизу гречку, и недовольно морщился.

А карты? Карты чем ей помешали? В самом деле, дурная баба. Вот только всё наладится, и Гладков от них отстанет, Володя припомнит жене такое к себе отношение! Ну и ладно, можно подумать, он сильно расстроился из-за этих карт!

Да он каждую метку, каждое обозначение помнил наизусть! Завтра же возьмет в штабе новые, чистые карты и нанесёт всё то, над чем работал в последнее время.

После еды, пусть и невкусной, Володю начало клонить в сон. Шутка ли – сначала трясся на старом снегоходе, собранном чуть ли не из запчастей, потом ночевали в какой-то лагуче. Так это «чудо техники», которое Пантелеев ласково называл «Снежком» за белый цвет, который уже почти весь и облез, заглохло посреди леса, еле завели. С трудом до дома добрались!

Володя дёрнулся и понял, что погрузившись в воспоминания, он почти уже заснул. Но меж тем спать-то как раз было и нельзя – печь ещё не протопилась, так и угореть недолго... Он встал, взял вёдра и отправился за водой на колонку. Потом дров принёс из поленицы и сложил в сених, чтоб чуть просохли. Вот, и для чего он спрашивается женился, если вернувшись из похода, ему ещё и делать всё самому приходится!

Когда угли в печи наконец погасли, Володя уже настолько измучился, борясь со сном, что еле поднялся со стула, чтобы закрыть заслонку. Скинув одежду, он осторожно улёгся рядом с женой, блаженно вытянув ноги.

Вечер уже вывел в небо своё светило, яркий месяц серебряным серпом висел над лесом, от окна до середины комнаты тянулась тонкая дорожка, свет месяца проникал меж неплотно задвинутых штор. Володя прислушался - ровное

Лёлькино дыхание и тиканье часов, больше ничего не было слышно, и так ему стало покойно... да, нужно и в самом деле передохнуть с этими походами... додумать свою мысль он не успел, потому что заснул.

Ночь, глубокая и тёмная, царила за окном, когда Володя вздрогнул всем телом и проснулся, весь в холодной испарине. Месяц давно ушёл за сопки, свет его больше не проникал в окна, чуть только подсвечивая ночной мрак... Володя открыл глаза, и душа его похолодела, он чуть было не закричал от страха.

Рядом с ним на кровати сидела жена и пристально смотрела на него. В сером сумраке её глаза, провалившиеся и окружённые тёмными кругами, казались большими, чёрными и какими-то.... Не человеческими!

- Лёль... ты чего? – пискнул он и сам удивился, как тонко и визгливо прозвучал в тишине, нарушаемой только тиканьем старого будильника, его осипший в тайге голос, - Ты чего не спишь-то? Ложись, ночь ещё!

- Тише! – прошептала Лёлька и приложила палец к своим губам, - Ты... ты слышишь?

Володя прислушался, но кроме часов и потрескивания промерзающей от стужи двери ничего не услышал. Только душа его дрожала, от этого и его самого передёрнуло в ознобе. Глубоко вздохнув, чтобы чуть успокоиться, он снова посмотрел на притихшую жену:

- Нет. Ничего не слышу, что ты.... Спи давай, я устал за

день, набегался...

- Как не слышишь? Ты должен - слышишь, как громко! Ребёнок плачет! А раньше он смеялся! Вот, снова плачет! Да что это за мамаша такая, не может ребёнка успокоить?! Володь, пойдй сходи к ним, скажи!

- К кому? – Володя уже трясся так, что зубы его постукивали громче будильника, - Куда сходить, ты чего?!

- Ну, к соседям новым! Это, наверное, у них ребёночек! Откуда это ещё может доноситься!

- Да никто не плачет, и соседей у нас ещё нет! Это... это... у тебя, наверное, от лекарств всё! Сейчас я, подожди! - Володя подскочил с кровати и кинулся к буфету за таблетками, которые утром оставил для Лёли Гладков и наказал давать при бессоннице и прочих нервных... приступах.

- Вот, прими таблетку! Это Гладков ваш оставил, сказал тебе давать. Но ты спала весь день, и я не стал тебя будить! Вот вода, запить, - Володя включил настольную лампу и протянул жене стакан с водой.

- Нет!

- Что – нет? – стуча зубами ответил Володя на категоричный возглас жены.

- Я не стану ничего пить, никаких таблеток и прочего!

Володе на миг показалось, что Лёлька смотрит на него прежним, осмысленным и умным взглядом, и от этого у него вообще всё в голове перемешалось.

- П... почему не будешь то? Доктор же сказал... Глад-

ков... он оставил пачку целую... Почему...

- По кочану! Гладков, говоришь? А ну, покажи пачку!

Вообще не понимая, что же происходит, Володя снова сходил в кухню и принёс таблетки, ступая окоченевшими ногами по холодному полу. Лёлька взяла из рук мужа лекарство, внимательно рассмотрела его прочитав название при неярком свете лампы. Потом самолично вынула таблетку и проглотила.

- Слушай... может и мне можно, от нервов? Ты же медик, знаешь? – спросил Володя, у которого поджилки так и тряслись, - А то у меня тоже... душа не на месте после всего этого.

- Хочешь, так пей, кто не даёт, - сказала Лёлька, поёжилась, завернулась в одеяло и отвернулась к стене.

Володя подумал и таблеток пить не стал. Он так и лежал в темноте, выключив лампу и опасаясь тревожить жену, чтобы тоже укрыться одеялом. Было холодно и жутко, он пытался определить по спокойному дыханию жены, спит она или нет, но так и не смог. Самому же ему спать хотелось неимоверно. Но он боялся даже на секунду прикрыть глаза! Кто знает, что ещё отчудит эта ненормальная!

Помучавшись около часа и не выдержав пытки, он тихо поднялся. Ступая на цыпочках и дрожа от холода, Володя сел на стул в кухне, привалившись к чуть тёплому боку печи. Он не мог заставить себя вернуться в комнату, к жене, и спокойно уснуть рядом с ней. Выставив в ряд у печи все

три имеющихся у них стула и добавив древний табурет, он расстелил на них невесть откуда взявшийся в их доме старый тулуп, примостил под голову свой походный рюкзак, и улёгся, накрывшись своей курткой.

Что же такое происходит, вовсе не этого он ожидал, связав свою жизнь с умной и заботливой Лёлькой...

Глава 19.

Пришедший на следующий день Гладков застал Лёльку в добром здравии, хозяйничающую в кухне. Стукнув негромко в дверь, доктор появился в узкой прихожей в клубах морозного пара и снял с озябшего носа свои замёрзшие очки.

- Ох, ну и стужа, я вам скажу! Оправа чуть к носу не примёрзла! – он прищурился, вглядываясь в Лёлькино лицо и мельком глянув на притихшего Володю, который примостился в углу кухни с луковицей и ножиком в руке, - Ну, я смотрю, дела у нас пошли на лад? Прекрасно, прекрасно...

Пока доктор говорил с пациенткой, внимательно слушая её речь и пристально глядя в глаза, Володя же постоянно пытался незаметно подать доктору знак, что ему нужно поговорить с Гладковым с глазу на глаз. Но доктор словно бы и не замечал его и продолжал говорить с Лёлей.

- Владимир, я вас прошу.... Прогуляйтесь хоть бы вон до колонки по воду, мне нужно задать Лёле пару вопросов наедине, - сказал вдруг Гладков, чем Володю удивил и даже напугал, судя по его побелевшему лицу.

- Зачем? Я могу на крыльцо пойти постоять, - пробурчал Володя, недовольно хмурясь, - Что за секреты...

- Мне повторить понятнее, или мы по-хорошему договоримся? – поднял брови Гладков, и Володя, несмотря на всё упрямство, начал натягивать на себя куртку.

Когда он вернулся с ведром воды, то увидел, что Лёля собирает сумку, а доктор сидит у стола и что-то пишет в своём блокноте.

- Я решил, что вашей жене будет лучше сейчас в стационаре, - сказал Гладков, не глядя на Володю, - Она, как медик, со мною тоже согласилась. А вас самого я прошу подойти сегодня ко мне, часа в четыре пополудни, поговорим и кое-что обсудим.

Володя вроде бы и обрадовался такому решению доктора, он ведь и сам собирался просить Гладкова, чтобы Лёлю забрали в больницу, но сейчас вдруг снова испугался... о чём это доктор собрался с ним говорить, и почему зовёт к себе, а не говорит прямо здесь.

- А сейчас, оденьтесь-ка потеплее, друг мой, и сходите к Векшиным. Попросите Григория, пусть заедет за нами на машине, идти пешком холодно, Лёля ещё не окрепла для таких прогулок.

Володя так растерялся от этого всего, что позабыл рукавицы, уходя из дома, и всю дорогу до Векшиных так и бежал, пряча озябшие ладони то в карманы, то в рукава. Григорий собрался тут же, вывел из тёплого гаража «буханку», и уже совсем скоро остался Володя один на крыльце своего дома, провожая глазами отъезжающую машину.

Но когда он шёл в больницу на разговор к Гладкову, это был уже совершенно иной человек. За это время он пришёл в себя, всё обдумал и был готов к любым вопросам в его сто-

рону. Но Гладков, как ни странно, ни о чём его спрашивать не стал, а вовсе наоборот – начал давать указания, отвешивая их словно по ранее заготовленному списку.

- Так, времени у меня мало, чтобы вам повторять несколько раз, поэтому слушайте внимательно, - отрезал Гладков, - Жена ваша останется у нас под наблюдением, сейчас с ней всё хорошо. По моей просьбе её осмотрит специалист, но, если честно, я это делаю для перестраховки. Леонила очень сильный человек, но вот с мужем ей, к сожалению, не повезло.

- Да что же, снова я виноват! – Володя с досадой хлопнул себя по колену, но Гладков не дал ему разразиться тирадой и оборвал.

- У меня нет времени слушать ваши оправдания! Значит так, что касается тебя, Владимир – никаких походов в ближайшее время, ежедневно являешься сюда, навестить жену, даже если она не захочет тебя видеть, как например сегодня! Но ты всё равно приходишь! Приносишь ей книги, какие она любит, сладости или фрукты! В общем, я жду от тебя помощи в восстановлении её душевного состояния. И не заставляй меня принимать меры... Ты вообще, Володя, для чего женился?

- Иван Тимофеевич, я прекрасно понимаю, на что вы пытаетесь намекнуть! – Володя резко встал со стула, - Что бы вы там себе ни придумали, но я люблю свою жену, люблю, как умею! И я сам просто не могу поверить, что всё это слу-

чилось... с нами... Да, наверное, я не смог, не сумел поддержать жену, как нужно, но то, на что вы намекаете... Если вы считаете, что я что-то сделал намеренно и виноват, то говорите прямо, без этих намёков и давайте будем разбираться!

Гладков дрогнул, это было видно по его чуть смягчившемуся взгляду. Он пристально посмотрел на Володю и покачал головой, а потом стал давать указания и наставления, как нужно себя вести и что делать, чтобы Володя смог помочь и Лёле, и самому себе.

Со временем поутихла эта история в Ключевой. Уже через неделю про неё и позабыли все, кроме её непосредственных участников, ну и ещё, может быть пары-тройки человек. Лёлька уже покинула стационар и приводила в порядок дом. Володя, который всё это время усердно окружал жену заботой, и сейчас старался помочь ей во всём, развлекал разговорами на разные темы.

- Я решила, что мне дома не стоит сидеть, - сказала мужу Лёля, - Попросилась на работу, Гладков согласился. Но пока на половину дня и никаких дежурств. Ты, наверное, уже и сам измучился сидеть дома, по лесу заскучал, по работе? Со мной всё нормально, так что, если хочешь... Спасибо, что отложил все свои дела на это время, надеюсь, всё позади.

Если бы был Володя немного проницательнее и не был бы так зациклен на самом себе, то он бы заметил в голосе жены ледяные нотки. Но он только заулыбался в ответ на похвалу, обнял жену и заговорил ласково:

- Нет, что ты... я и сам понял, что в последнее время слишком много шастал по тайге, и слишком мало был с тобой. Лёль, прости... наверное, я не очень хороший муж, но я люблю тебя, это правда. И мне жаль, что всё это случилось с нами, но мы это переживём, ведь так? Вместе... И всё у нас будет хорошо!

Лёлька молча освободилась из объятий мужа и принялась мыть чашки. Да, если бы она услышала от мужа эти слова немногим раньше, как бы они порадовали её, а вот теперь... ей было всё равно.

Вечера они проводили вместе, только молча. Володя снова сидел над своими картами, и к слову сказать, про те, сожжённые Лёлькой, ни слова не было сказано между ними. Лёлька читала книжки, делала какие-то пометки в тетради... Словом, взглянуть – так идеальный семейный вечер, ни дать, ни взять.

- Ты родителям звонила? Как у них дела? – иногда Володе становилось немного жутковато от молчания и отстранённости жены, и он сам заводил разговор.

- Да, звонила, всё нормально, - спокойно отвечала Лёлька, - Ждут нас в отпуск, но я сказала, что пока откладывается.

Володя совсем было успокоился после всех этих перипетий, ему казалось, что всё у них наладилось, и он уже было собирался сообщить Мише Пантелееву, что готов идти на старый провал, куда летом было не добраться, а зимой, по руслу скованной льдом Морозной – пожалуйста... как вдруг

случилось неожиданное.

Вернувшись с работы, Лёлька сняла пальто, размотала пуговую шаль, укрывающую шею и грудь, села на старый табурет у печи и внимательно посмотрела на мужа.

- Сегодня Гладков меня в управление отправил, сходила. Дали ордер и ключи.

- Да ты что! – Володя вскочил со стула и радостно кинулся обнимать жену, - Как хорошо, что мне в поход только через неделю, как раз успеем всё перевезти и обустроиться.

- Ты знаешь, я хотела с тобой поговорить, - начала Лёлька таким тоном, что у Володи радостная улыбка сразу же сползла с лица, - Я думаю, что нам... не нужно переезжать вместе. Квартиру нам выделяли с учётом... будущего семейного положения, а оно у нас неожиданным образом изменилось. И я думаю, что изменится ещё раз.

- Что ты имеешь ввиду? – исподлобья глядя на жену, спросил Володя сквозь зубы.

- Я хочу уйти. Нет смысла отрицать – мы не справились с тем, что на нас свалилось. Ни к чему и дальше делать вид, что всё осталось по-прежнему, это вовсе не так. Я напишу заявление, что на двухкомнатную не претендую, и, может быть, вместо этого нам дадут... разное жильё, отдельное.

- Ты меня бросаешь?! Что, только в нашей жизни возникли первые трудности, твоя любовь ко мне улетучилась, словно и не было?! Геолог тебе оказался не нужен? Или, может быть, на горизонте замаячил кто-то выгоднее и перспектив-

нее?

- Так много вопросов, - усмехнулась Лёлька, - Не думала, что ты склонен к женским истерикам. А давай лучше поговорим начистоту! Ведь этот ребенок... он тебе был вовсе и не нужен, так? Я знаю, что всё это случилось не просто так, а с чьей-то помощью! И кроме тебя это сделать было некому!

- Ты что..., - Володя с изумлением смотрел на жену, - Ты что, думаешь, что я... Да я понятия не имею, что вообще там у тебя произошло! Слушай... а может быть это ты сама не хотела этого ребенка, а теперь пытаешься всё свалить на меня? Может быть, тебе стал не нужен брак с простым парнем, кого получше нашла, пока я там по лесам...

- Я не собираюсь ничего выяснять. Я сказала тебе, что я хочу, и это всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.